Красноармеец
Краснофлотец

№ 6

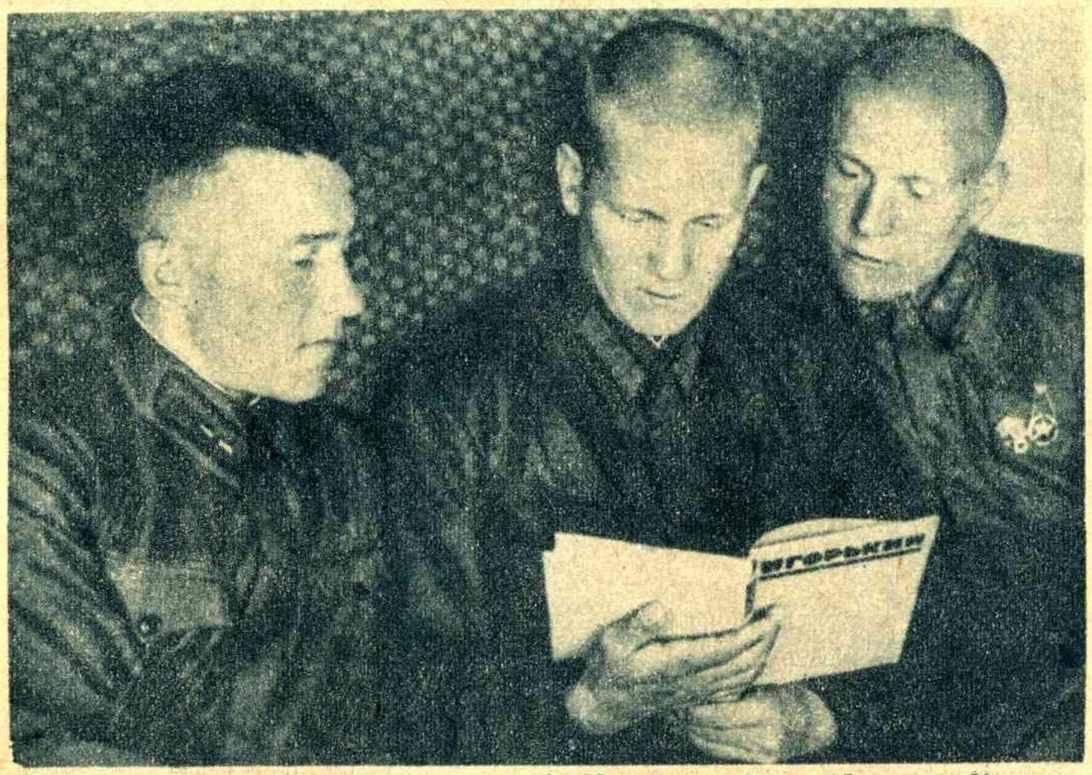
Фото Н. Сальмина.

№ 2446

Цена 50 коп.

Фото Н. Сальмана.

В НАШЕЙ АРМИИ

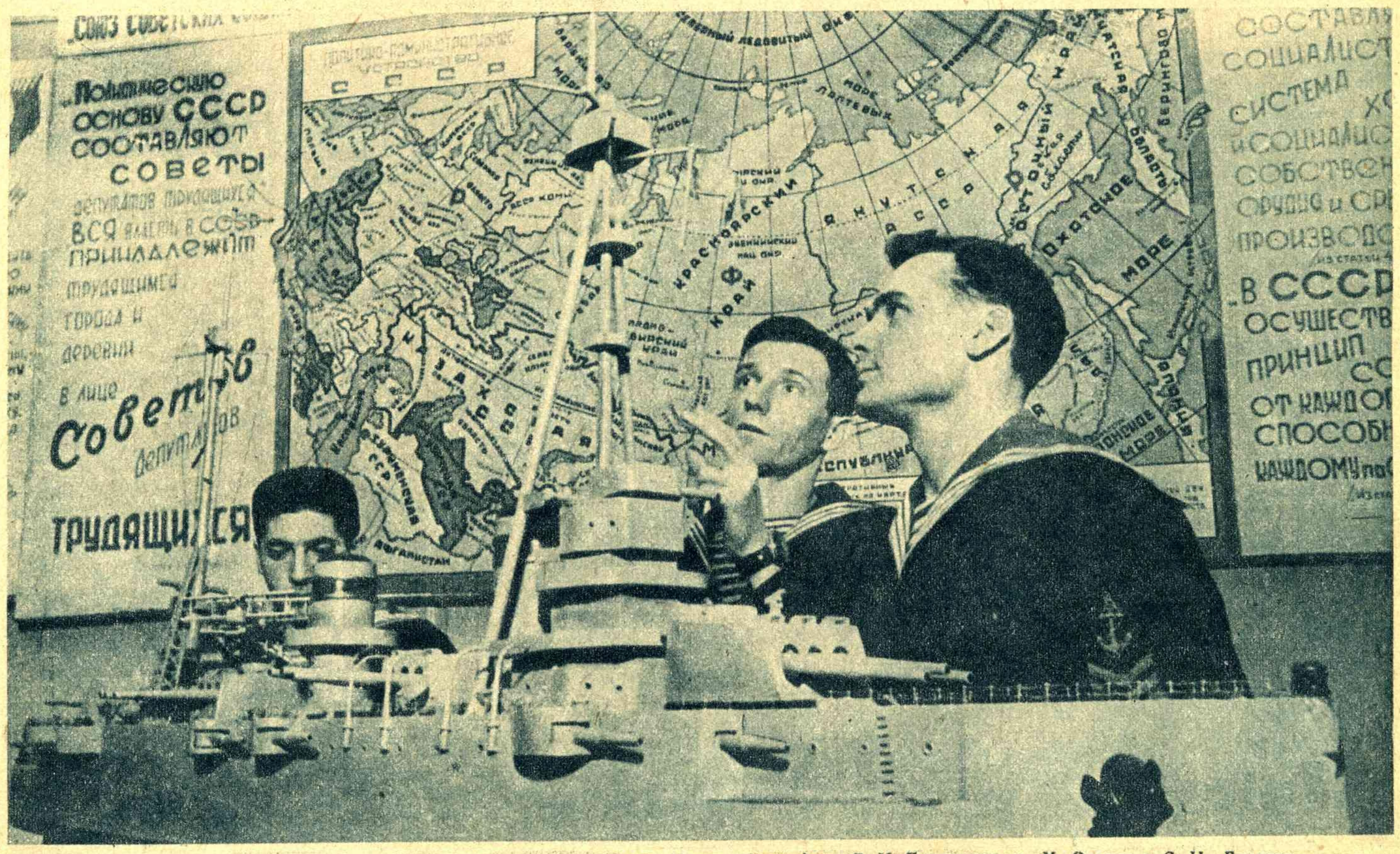


Командир отделения тов. Орехов А. И. и красноармейцы тт. Казарин А. А. и Кружков В. И. за чтением книги А. М. Горького.

Курсанты Военно-Морского артиллерийского училища им. ЛКСМУ (Черноморский флот) в своей читальне.

Комсомольцы-подводники Черноморского флота, подавшие заявления о принятии их кандидатами в члены ВКП(б), беседуют с комиссаром (слева). Справа налево: краснофлотцы тт. А. И. Калинин, А. С. Улькс, А. Б. Морозовский и лейтенант тов. В. А. Маргасюк.

Активисты комсомольской организации Донской казачьей части Северо-Кавказского военного округа (слева направо): боец Е. Д. Козлов и младшие командиры П. Н. Лобазев и А. М. Воротынцев, подавшие заявления о приеме в ВКП(б) и рекомендованные комсомольской организацией.



Выпускники курсов командного состава Черноморского флота (слева направо) тт. Л. И. Гуральник, А. М. Оверко и С. И. Богачик за осмотром модели линейного корабля.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Красноармеец Краснофлотец

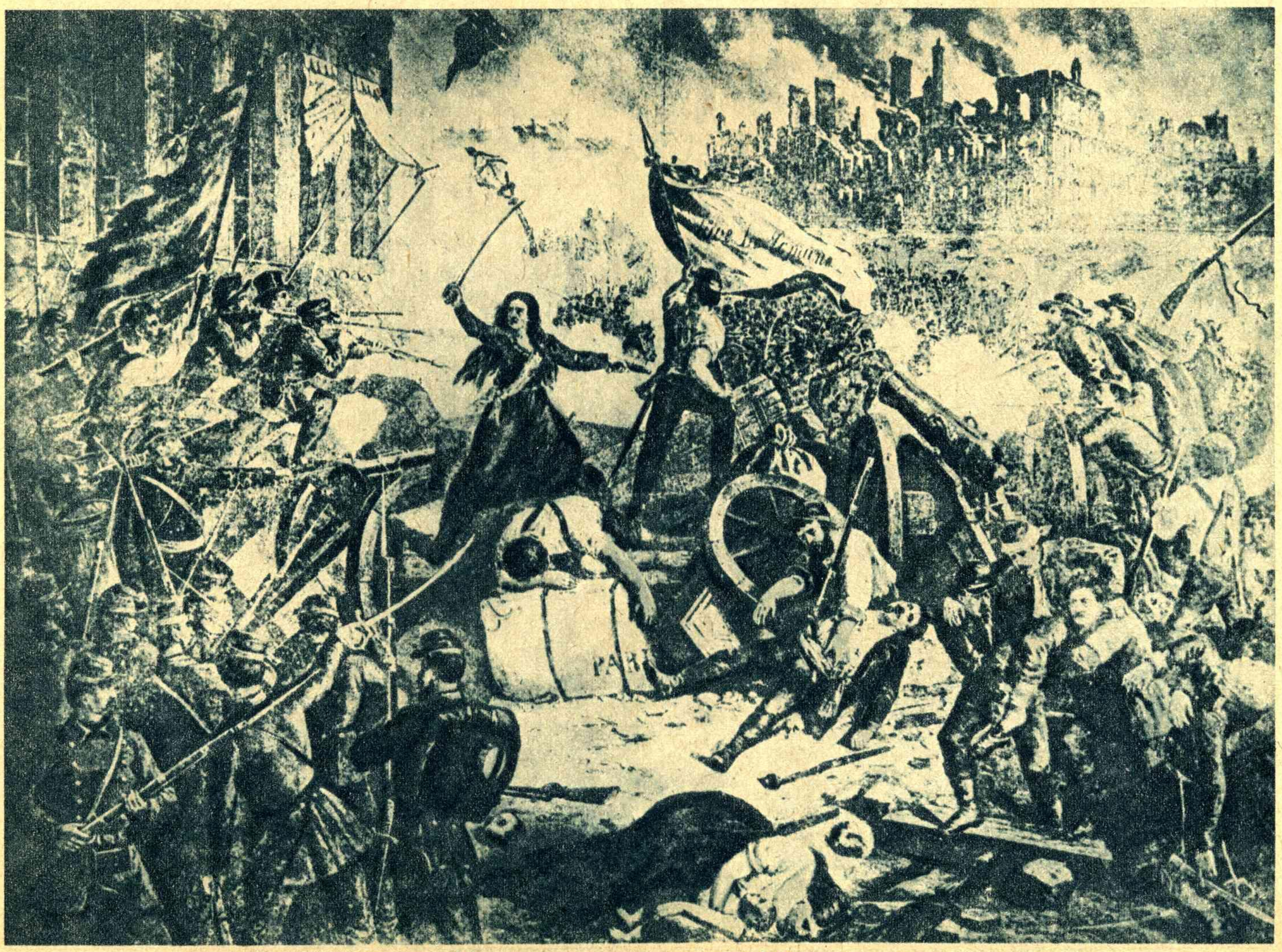
двухнедельный литературно-художественный журнал

20 год издания № 6 МАРТ 1938

Институт литературы ЦИК ЭССР. им. М. Горького
015233 п.

Как ни велики жертвы Коммуны, они искупаются значением ее для общепролетарской борьбы: она всколыхнула по Европе социалистическое движение, она показала силу гражданской войны, она рассеяла патриотические иллюзии и разбила наивную веру в общенациональные стремления буржуазии. Коммуна научила европейский пролетариат конкретно ставить задачи социалистической революции.

(ЛЕНИН. „Уроки Коммуны", т. XII, стр. 163).



Защита ратуши коммунарами. 1871 год.

П. ПАВЛЕНКО

БАРРИКАДЫ

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА

Рис. В. Высоцкого

Кто не лежал на мокрой земле, вшивый, с винтовкой, примерзающей к пальцам, с глазами, которые не открывались от голода, и в то же время не думал, что мир прекрасен, тот никогда не жил и ничего не знает о жизни.

Как много было света и цветов в этот март, стремглав пробежавший по городу, будто он давно уже ждал за стенами, чтобы его впустили в захиревший Париж. Как хороши, как просты были утра, когда невзошедшее солнце, протянув из-за горизонта несколько острейших лучей, скребло ими небо до полного блеска. Тогда легкий рваный туман валился вниз шелухой или стружками неба. С улиц туман потом убирали метлами.

Было одно из описанных утр.

Протяжный, звонко растянутый воздухом крик гигантского петуха разбудил Буиссона. Он открыл глаза. Рассвет вяло располагался в комнате, а воздух за окном был сбит в розово-голубой туман; он косматодымил и качался. Буиссон распахнул окно — в веселой пене, укрывшей солнце, бежали очертания домов и растерянные силуэты деревьев. Звуки и запахи, не растворяясь, держались в воздухе, как сухой лист на ветру. Они неслись бок о бок, разобщенные и навсегда потерявшие связь с миром — звук скрипки, терпкий дух лука, скрежет омнибуса по старым камням мостовой. На Сене, сквозь туман, покрикивали паровые баркасы. Железные жалюзи табачной лавки на углу, через два дома, провопили на весь квартал. Буиссон с удивлением установил, что петух все еще тянет свой крик, и тот плывет в воздухе, растянутый до неправдоподобия. Он высунулся из окна наружу. В иссушенных камнем кварталах Нейи домашняя птица перевелась со времени Первой империи, никакого петуха не могло быть, каких петухов услышишь нынче в городе, за добрых три километра от первого птичника где-нибудь у заставы?

Смятенно отшатываясь от стен, заскрипели в нижних этажах ставни, на мостовую просыпались, позвякивая на подскоках, патроны, голос женщины измученно прокричал: «Вернись же, вернись, это шутка!», и чей-то нетерпеливый кулак забарабанил в дверь табачной лавчонки.

— Филипп! Беги к соседу: шум, крики, грохот! И вперед, главное вперед!

Посмеиваясь над чепухой петушиного крика, Буиссон сбежал вниз, почти минуя ступени лестницы. Жильцы всей улицы бежали в сторону вала. Табачник запирал открытый ларек. Бренча кувшинами, распивочно торговали молочницы — люди стояли перед каждой из них в очереди и пили из общей кружки.

— На «Луизетт» запели петухи! — закричал Буиссону табачник. — Атака! Вы с нами?

Буиссон побежал рядом с ним. Сколько раз хотел он выйти поутру с альбомом к ларьку и набросать веселую толкотню молодых рабочих вокруг румяных и бойких, крутых на слова молочниц. Лица этих парижских крестьянок, пахнущих хлебом и духами, были на удивление варварскими. Тщательно завитые у раннего парикмахера возле вокзала, который отпирал свое ателье лишь к молочному поезду и за литр сметаны бойко жег им волосы вместе с гнидами, растирал бодягой щеки и срезал бритвой мозоли, величиной с молодую картофелину, — они приносили с собой в город смех, которым здесь давно уже никто не смеялся, рассыпчатый и со слюной, как от щекотки, и насмешливую, нарочитую жестокость.

В час, когда еще спал Буиссон, капитан 24-го батальона Поль Франсуа Лефевр в десятый раз передумывал свой утренний план. Капитан лежал в широкоспинном шкафу из мастерской дамских платьев, брошенном навзничь — дверцами вверх — позади баррикады. В шкафу пахло духами и платьем. Запахи мешали думать. Капитан поднял руки и распахнул дверцы шкафа. Сейчас же его лицо погрузилось в воздух, ставший почти осязаемым. Глаза увидели лишь одно: воздух бежал в смятении, цепляясь за все и волочась по самой земле. Звон неизвестного колокола медленной птицей кружился вокруг. Лефевр вылез из шкафа. Черная с золотыми буквами вывеска «М-м Луизетт», спереди прислоненная к баррикаде, покрылась пузырчатым пухом, и на столах, креслах, кроватях, задранных вверх ногами или наискось брошенных поверх мешков с песком, проступили пятна, похожие на пролежни или ушибы.

— Нет ничего успокоительнее, чем хороший туман, — сказал он, оглядевшись вокруг. Он отдал шопотом несколько приказаний. За баррикадой и в воротах соседнего дома закопошились люди.

— Ребята, я вам говорю, что знаю: туман, это просто хорошо. Готовы? — Ударив руками по воздуху, как по мыльной воде, он вышел в проход и побежал, увлекая за собой солдат к площади, которая была слышна недалеко.

Тогда-то и раздался крик, разбудивший квартал Буиссона.

— Шуму, больше шуму! — кричал Лефевр.

— Делать шум! Рычать! Сильней! Еще!

Слева, в расположении батальона Бигу, замяукали рожки омнибусов. Из окон верхних этажей впереди «Луизетт» выглянули обезумевшие и удивленные лица.

— Эй! Орите вы! Куклы! Бить в тазы! Орать! Сильно!

Люди в ночных колпаках испуганно закричали из окон. На улицу отовсюду высыпали мальчишки. Они дули в свистульки и бесновались, тарахтя ведрами.

— Дядя Лефевр сошел с ума! — воодушевленно кричали они друг другу.

— Черти, сильнее! Шуму! Больше!

Слева, у соседа Бигу, заспанно заговорили шаспо, но справа все еще стояла невозмутимая и опасная тишина — справа был Париж. Площадь нащупывалась где-то у самых рук. Огонь версальцев, обманутый грохотом целой улицы, сумасшедшим вихрем шел поверху. Ядра пушки шныряли в кронах деревьев, кроша их и ими брызжа безжалостно.

Стрельба разрасталась, теряя точные рубежи.

— Филипп! Беги к соседу: шум, крики, грохот! — распорядился Лефевр. — Из каждого камня выжать вопль. И вперед, главное, вперед! Через полчаса быть на площади!

У Бигу был батальон волонтеров-иностранцев. Негры, поляки, русские, итальянцы, шведы, болгары, турки с первых же дней восстания шумно повалили записываться на защиту Коммуны. Среди них были политические эмигранты, рабочие, студенты, бездельники, революционеры. Тогда еще было многим неясно, что именно толкнуло этих людей на защиту Коммуны, их даже немного в первые дни побаивались и во всяком случае недостаточно понимали. Вмешательство иностранцев обязывало Коммуну, оно утверждало для многих новый, но единственно верный характер восстания, как не только парижского и не только французского дела.

Командовал волонтерами Антуан Бигу, водопроводчик с улицы св. Винцента на Монмартре.

Он был кривоногий, сутулый старик с небольшим запасом обрывочных слов и скупыми жестами. В центре города был он четвертый раз в жизни. Париж казался ему — после знакомых трущоб Монмартра — странным городом. Много разного. Вот даже тут, в батальоне, чего уж боле, негры говорили по-своему, русские тоже. Поляки — так те еще ничего, кое-что понимают, или вот итальянцы — почти свои. А шведы — шведы, как рыба. Или турки. Даже не понять, кто из них кто.

Бигу давно хотел сказать речь: надо же бойцам объяснить, в чем дело. Он хотел сказать так: «Эта наша сволочь, министры, не посчитались с народом, вот главный вопрос. Так оставить нельзя. Понятно, что ли? Так оставить нельзя — а проучить. Понятно?»

И третьего дня хотел он сказать, и вчера, но турки эти — как рыба. Или, может, шведы они, чорт их поймет. Итальянцы, чуть слово им, орут, стыдно за них. Чего тут орать? А русские — в слезы.

— Лейтенант Бигу, начинай! — сказал подбежавший Филипп.

— Слушай-ка, пожалуй, надо бы сказать речь? — волнуясь, спросил Бигу.

— Обязательно! И чтобы у тебя кричали изо всех сил. Всех — на крик!

Бигу подозвал своих сержантов, поляка и двух пьемонтцев. Их лица вздрагивали нетерпением. Пьемонтцы ежесекундно отплевывались.

«Каменщики... постоянно пыль в нос... привычка», — подумал Бигу.

Поляк придерживал зубами нижнюю губу. Бигу хотел их сразу же ободрить, пристыдив.

— Богородицу вашу в кровь, — сказал он довольно развязно, — какие вы, честное слово, сержанты? С ноги на ногу переминаться? Моча, что ли, горлом?

Те замерли в деревянной вытяжке, но по рядам батальона пробежал смешок.

— Поняли? — переспросил он и — про себя: «Все-таки трудно разговаривать, когда не знаешь, чего люди хотят. Ну, хорошо, ладно. Он их проймет. Несколько слов должны же знать. Положим, каждый — разные, кто про что. Скоты, и больше ничего».

У Лефевра завыла вся улица.

— Ну, вот что, — сказал Бигу, — проповедь мы отложим.

Он вышел вперед. Забыв дышать, люди смотрели на него не мигая.

— Вот что, — сказал Бигу. Тут он сам даже придержал дыхание. Что же дальше? Помедлил. Чорт их возьми, есть же какие-то короткие слова, которые всем известны.

Люди в рядах чуть колыхнулись, ноги не держали их, люди раскачивались от возбуждения. Бигу смотрел на них, заполняясь бешенством.

— Ах, гады!... — вскинул плечи, чтобы выругаться во все дыхание, и вспомнил, набирая в легкие воздух — да, есть они, чорт их возьми, слова, понятные каждому человеку, и прокричал:

— Работать! Всегда, будь вы прокляты, аспиды, можно сговориться. Работать, товарищи! Вот что!

Он подбежал к батальону и ткнул в грудь ближайшего с краю. Тот был негр.

— И пой! Не знаешь? Ну, пой!

Торопясь отдать это последнее приказание, он прокричал смешным голосом:

Ес-ли хо-чешь со мной,
У-гос-ти ста-кан-чи-ком,
Приг-ла-шу к се-бе до-мой...

— Понял? И ты. Что-нибудь свое. И ты.

— Понятно, — заорал пьемонтец — сержант, — да понятно же, старик, corp della madonna senta*...

Бигу крикнул:

— Вперед! — и бегом повел батальон к площади.

Рев прокатился за ним.

— Работать! Вперед! — кричал он

— И пой! Не знаешь? Ну, пой!

— Работать до смерти! — отвечали из строя.

Первая фраза марсельезы пронеслась на пяти языках. Ее естественным продолжением явились мягкие славянские запевы. Гортанные аккорды итальянских маршей пронизывали легким металлом это всеобщее пение, в подпочве которого обозначились однообразные вопли турок и короткий, твердый, как костяшки, речитатив негров.

Вдруг из всеобщего вопля взлетел осколок пьемонтской песни, все подчинившей себе:

«Эти разбойники обложили налогом даже хлеб бедняков и с ружьем в руках сторожат молотьбу».

Она неслась над всеми другими, господствуя, но неожиданно рушилась под голосовыми ударами сбоку, теперь уже на совершенно другом языке.

И все это билось, неслось и сливалось в единое и понятное всем: — Работать до смерти! Вперед! Выше сердца! Работать до смерти! Haut les coeurs! Выше сердца!

---

* Клянусь богородицей.

Даниил Фибих

Немцы

Рис. С. Зелихмана

По шляху, среди нескончаемых желтых нив, лениво ползла длинная вереница крестьянских подвод. Свесив ноги и держа ружья дулом вверх, густо сидели на телегах германские солдаты. Рядом с подводами шагали хмурые, меднолицые мужики. Пекло солнце. Долго не опадая, висела над дорогой пыль.

Немцы притихли, дремали — их разморили дальний путь, зной, мерная тряска телег. Головы под железными горячими шлемами сонно покачивались, усы у всех пропылились, стали серыми.

По обеим сторонам проселка стояла густая и рослая пшеница. Кое-где в желтой гуще колосьев синели васильки.

— Добрые хлеба, — сказал возница, у которого одно плечо было выше другого. Идущий с ним низенький дядько отозвался ясным тенором:

— Панское жито. Старался пан, дай ему боже, сеял.

— А шо?

— Урожай-то наш будет.

Дядько взмахнул кнутом и под корень срезал несколько усатых колосьев. Рыжие австрийские его буцы поднимали густую пыль.

Над дальним лесом вставал черный столб дыма. Ровно и прямо, не расплываясь, стоял он в синеве горячего летнего неба.

— Пожар,—сказал кривоплечий.— Мабудь, у Тарасовке. Э, Трохим?

Трохим отрицательно повел головой.

— Ни. Це у Хортыще.

— Немец жгет?

— Эге.

Оба замолчали. О чем говорить? Крестьяне знали, что недавно красные повстанцы налетели ночью на село Хортыще. Разгромили гетманскую варту, перебили гайдамаков, забрали у них оружие, казенные деньги и скрылись в лесах. Теперь немецкий карательный отряд срывал злобу на неповинном селе.

Кривоплечий спросил шопотом:

— Корж?

— Эге, — утвердительно шевельнул бровями Трохим. Колючий взгляд его остановился на поджаром горбоносом немце, который сидел на ближайшей подводе. Горбоносый солдат покачивался и тупо наблюдал, как мелькают спицы колес, как цепляются за них тяжелые поникшие колосья. Казалось, они хотели удержать едущих чужеземных солдат.

Еще не так давно Мартин Кремер носил крахмальные воротнички, модные галстуки и служил продавцом в большом универсальном магазине на Фридрихштрассе. Обольстительно улыбаясь и заговаривая зубы капризным покупательницам, с утра до ночи он раскидывал перед ними на прилавке цветные свистящие потоки шелков. Хозяин хвалил его, на книжке у Кремера была отложена кругленькая сумма про черный день, и Кремер был вполне доволен жизнью. Он уже начинал серьезно подумывать о невесте с капитальцем. Тогда можно покинуть универсальный магазин и самому открыть небольшое, но выгодное предприятие.

Война разбила радужные мечты Кремера. О эта война, уже четвертый год потрясавшая мир! Она одела Мартина в солдатский мундир, дала ему в руки винтовку и принялась швырять с фронта на фронт, из одной страны в другую. Он побывал в Польше, на Карпатах, в Северной Франции. Грохот и огонь, грязные норы траншей. Кровь, вши. Теперь полк Кремера был переброшен на Украину. Эта страна, мирная, солнечная и хлебная, должна была досыта накормить голодную, сидевшую на тощем военном пайке Германию.

Говорили, что в России появились какие-то большевики, которые убили царя. Обер-лейтенант Тирбах объяснял солдатам, что русские большевики — просто-напросто грабители и бандиты, враги порядка. Они не дают жить честным, богобоязненным людям. Теперь славная германская армия наведет в этой некультурной мужицкой России порядок, и все будет хорошо. Так говорил господин обер-лейтенант, и Мартин Кремер, привыкший почитать всякое начальство, вполне ему доверял.

Впрочем, до большевиков Кремеру было столько дела, сколько до прошлогоднего снега. Куда больше занимала его мысль, как поскорей вылезти из осточертевшей солдатской шкуры. Сладко мерещились офицерские погоны. Хватит с него! Он сам хотел быть начальником — приказывать, командовать, иметь подчиненных. Весь вопрос заключался только в том, как обратить на себя внимание тех, кто распоряжается его судьбой, как именно выдвинуться вперед.

— Эх, хлеба какие! — проговорил квакающим голосом баварец Кессельмейер. Сидя рядом с Кремером, он молчал всю дорогу и только водил кругом сонными кабаньими глазками.

— Сытный край. А все-таки, ребята, у нашего кайзера котелок здорово варит. Забрать такой край!

Угрюмый Фриц Рауп пробурчал в обвислые усы;

— Скорей бы кончилась эта свинячья война.

— Когда нас отправляли, — проквакал баварец, — господин оберлейтенант Тирбах сказал: «Ребята, с Россией заключен мир. Вы едете как на курорт».

Рауп покосился на него.

— Друг мой Кессельмейер. Ты — образцовый идиот. Тебя нужно показывать в ярмарочном балагане и брать за вход десять марок.

Впереди на дороге показалось большое облако пыли. Длинный обоз, нагруженный пестрыми подушками, овчинами и нищей крестьянской утварью, шел навстречу отряду. Жарко блеснул медный бок самовара. За телегами, сквозь пыльную мглу, гнали домашний скот. Брели лошади, коровы. Мелко топоча копытцами и блея на разные голоса, двигались стада овец.

Немецкие пехотинцы, конвоировавшие обоз, шли ленивым шагом людей, выполняющих скучную, но необходимую работу. Замыкали шес-

твие конные гайдамаки в смушковых шапках и синих свитках.

Обер-лейтенант Тирбах придержал вислозадого, глодавшего мундштук жеребца и громко осведомился, что за обоз. Оказалось, карательный отряд возвращался после своей экспедиции. Весь крестьянский скарб и домашнюю скотину отправляли в город, на вокзал, для того, чтобы везти в Германию.

Обоз прошел мимо. Долго слышались удаляющиеся в пыли тоскливое мычание и блеяние.

— Ну, Фриц, что скажешь? — спросил Кремер приятеля.

Давно уж привыкли они понимать друг друга с полуслова. Фриц Рауп хмыкнул носом и криво усмехнулся.

— Вот тебе и курорт. Помяни мое слово, еще будет жара.

***

К вечеру под горой в густом ивняке просияла розовая на закате вода. По косогору над прудом разбросаны глиняные, крытые золотой соломой мазанки, за ними темная зелень вишневых садов, плетни огородов.

Рота заняла село. Солдаты стали размещаться на заранее намеченных квартирах.

В тяжелом боевом шлеме, с винтовкой и ранцем за плечами Кремер подошел к хате, где он должен был ночевать. Над завалившимся плетнем поблескивали глазурью надетые на колья горшки. Он отворил калитку. Косматая собачонка зашлась лаем. Стуча гвоздями подошв, солдат поднялся на крыльцо и толкнул ногой дверь.

Низенькая комната с большой, недавно выбеленной русской печью, с темными, в бумажных розочках иконами в углу, с чистым, только что вымытым и выскобленным полом, была светла и опрятна. От горячих, прикрытых холстинкой хлебов, лежавших на столе, шел чудесный запах. В косом закатном свете стояла невысокая крестьянка и раскрашивала печь. Наивный и яркий узор состоял из листьев и цветов, каких в природе не существует. На женщине была клетчатая, как шахматная доска, юбка. Хозяйка оглянулась. Испугом, растерянностью и враждой плеснули на чужеземца светлые диковатые ее глаза. Лицо ее, молодое и миловидное, было покрыто ореховым загаром.

— Здесь мне отведена квартира, — сказал по-немецки Кремер.

Слово «квартира» она поняла. Через несколько минут Мартин устроился за дощатой перегородкой, где стояла широкая деревянная кровать с целой горой подушек.

«А говорят — русские живут, как свиньи!» — подумал Кремер.

Новая квартира ему понравилась.

Уже слышалось на селе отчаянное кудахтанье, гусиный гогот, треск крыльев. Солдаты знакомились с крестьянскими дворами.

Умывшись и почистившись, Мартин протянул хозяйке сверток заношенного до черноты белья.

— Грязное, нехорошо, — сказал он на своем языке. — Вот так — и руками показал, что белье нужно постирать. Поджав губы, хозяйка молча, рывком, взяла сверток.

Потом немец потребовал, чтобы его накормили. Ему подали шипящую на сковороде яичницу со свиным салом и белый хлеб, нарезанный огромными ломтями. Появилась принесенная из погреба, запотевшая от холода крынка. Смуглое топленое молоко было затянуто сверху коричневой корочкой, У хозяйки были ловкие и круглые движения. Тяжелым солдатским взглядом следил за ней Кремер. Чувствуя на себе этот взгляд, женщина хмурилась, щеки заметно порозовели.

Пришла со двора босая, носатая старуха, подвязанная темным монашеским платком. Взяв ухват, принялась таскать чугуны из печи, откуда несло угарным жаром. Вздыхала, пугливо косилась на немца.

Сытый и довольный, прошел Кремер к себе за перегородку. Повесил на гвоздь свой мундир, стащил с ног тяжелые, накаленные солнцем сапоги и привольно развалился на кровати. Все-таки война не такая уж плохая вещь! Приятно чувствовать себя везде хозяином и знать, что каждое твое желание будет тотчас же выполнено. Тебя бесплатно кормят и поят, перед тобой трепещут, ты можешь делать с этими людьми все, что захочешь.

В сладкой дреме плыла голова, слипались ресницы.

***

На другой день к штабу подкатила коляска. На козлах, вытянув руки с вожжами, сидел немецкий солдат. Из коляски выскочил щеголеватый человек в шляпе, в светлом летнем пальто и лимонных перчатках. Изумленные мужики узнали управляющего панским имением. Он скрылся неизвестно куда полгода тому назад, как раз накануне того дня, когда село, после долгих и шумных споров, решило, наконец, делить помещичью землю. Управляющий поправил золотое пенсне, чванно сидящее на востреньком носике, и вбежал в штаб.

Скоро по приказу обер-лейтенанта все село собралось перед штабом на улице. На крыльцо, сопровождаемый германским офицером, вышел управляющий. Лица у обоих раскраснелись. От немца и от поляка пахло коньяком. Поодаль выстроились солдаты с винтовками.

Крестьяне стояли молча и понуро. Кое-кто из стариков, при виде пана управляющего, взялся по старой привычке за шапку. Управляющий, закинув голову, держал руки в карманах брюк и водил по толпе глазами. Пенсне вспыхивало на солнце.

Солдаты вскинули винтовки.

— Пшя крев! — неожиданно взвизгнул пан управляющий...

— Бандиты, некультурно быдло! Цо, свобода? Вот ваша свобода, пшекленты большевики!

Он в исступлении плюнул на пол и стал растирать плевок ногой в почищенном ботинке.

— Я вам покажу свободу!.. Вот! Вот!..

Потом, немного успокоясь, объявил селянам, что они должны немедленно вернуть все, взятое год назад из экономии. Весь хлеб, скот, сельскохозяйственный инвентарь к утру завтрашнего дня должны быть доставлены в имение. Кроме того, германским отрядом на село наложена контрибуция в размере трехсот пудов.

Ропот ужаса и возмущения прошел по толпе.

— Но, но! — закричал управляющий, благоразумно отступая на шаг к двери. — Цо ту есть? Бунт, пшя крев?

Обер-лейтенант, покручивая усы, бросил солдатам лающее командное слово, и те взяли ружья на изготовку. Толпа попятилась немного, стихла и медленно стала расходиться, хмурая, подавленная.

По указанию пана управляющего были арестованы трое крестьян, год тому назад выбранные на сходе в сельсовет. Ночь они провели в амбаре под замком. На рассвете пришли солдаты и повели арестованных за село.

Было свежо, поникшая в тяжелой росе трава отливала седой волчьей шерстью. Мужики шли, спотыкаясь, точно ничего не видели перед собой, с трупными лицами. Двое из них были пожилые, степенные бородачи, третий — бывший председатель совета — рослый, молодой, рыжеволосый парень. Он шагал по дороге легко и размашисто, засунув кулаки в карманы. Изредка пытался насвистывать сквозь стиснутые зубы. На пухлой дорожной пыли оставались изогнутые отпечатки его босых ступней. Один раз он оглянулся на Фрица Раупа, который конвоировал его. Солдата обожгло сосредоточенной ненавистью этого взгляда.

Свернули с дороги в плоскую балку, налитую утренней сыростью.

— Стой! — скомандовал обер-лейтенант, останавливаясь.

Приговоренным дали шанцевые лопатки, отметили место, приказали рыть яму.

Опираясь на винтовки, солдаты окружили людей, рывших себе могилу. Все были угрюмы, молчали и не глядели друг на друга. Из ямы вылетали желтые комья глины и с шорохом рассыпались по траве.

Когда могила была, наконец, готова, приговоренных поставили на краю ямы, спиной к взводу. Старики крестились трясущимися руками. Один из них жалко, по-детски, всхлипнул. Предутренний ветерок раздувал волосы на непокрытых головах смертников. Держа револьвер наготове, Тирбах зашел за выстроившуюся шеренгу. Солдаты вскинули винтовки, прокатился гром затворов.

Тогда, не веря себе, увидел Фриц, как рыжий парень внезапно схватил с земли железную лопатку и, занеся над головой, рванулся к немцам. Рот его дергался, он что-то исступленно кричал, на лбу выступила голубая жила.

— Огонь, — рявкнул обер-лейтенант.

Когда отнесло дым залпа, на глинистом холмике никого не было видно.

Не глядя друг на друга, солдаты молча и поспешно забрасывали яму землей. Могила была неглубокой.

***

Вечер, глухой лес. На поляне пылает костер. Большой, бородатый человек в солдатских штанах и бараньем кожухе, отворачиваясь от дыма, мешает шомполом в закоптелом казане. Из пламени с треском вылетают красные мухи.

На траве, вокруг огня, дожидаясь, пока сварится кулеш, собрались партизаны.

Донская казачья часть Северо-Кавказского военного округа в походе.

Фото Э. Евгеникина.

Темное небо мигало белыми зарницами. Казалось, невидимый фотограф, при ослепительных вспышках магния, раз за разом снимает ночной мир. Тяжелая нависла духота. Воздух — точно настой из испарений земли, листьев и трав.

Час тому назад прибежал к партизанам с сумасшедшим лицом хлопец из Хортыщи. Иссеченная шомполами спина его вздулась, запеклась кровью и почернела. Он лежал у костра на животе и, не подымая белой, лохматой головы, рассказывал, как жгли немцы село, как расстреливали селян за околицей. Губы у хлопца дрожали, голос срывался, хрипел. Его слушали в недобром сосредоточенном молчании:

— Н-да, — густо вздохнул кашевар. — Лютуют, гады.

— Хлеб сеяли — и то по немецкому приказу, — отозвался кто-то невидимый в дыму. Сухой и твердый, как кость, мужик, выколачивая горячую золу из трубочки, заговорил ровно и медленно:

— Вот пришли до нас немцы. Поставили пушки. Чтоб к двенадцати часам дня сдать пятьсот пудов хлеба, та скота столько-то голов, та шерсти столько-то, та яиц столько-то.

— Як по нотам, — сказал тот же невидимый.

— Эге. По селу аж вой пошел. Откуда же взять? Послали мы до немцев стариков наших. «Так и так, ваше благородие, никак не можем». «А, не можете?» И давай по селу из пушек садить. В упор били. Разнесли все село. Народу — стариков, жинок, ребятишек малых — столько положили, что и не счесть. Валяются дядьки в крови, стонут, просят пить. А немецкие офицеры им: «Ви умрет и без вода». *

Молчание. Кто-то скрипнул зубами, засопел. Бросая в ночное небо летучие стайки искр, шипел и потрескивал костер.

— Осенняя муха всего злей жалит, — сказал кашевар и подул на ложку, осторожно пробуя дымящееся варево.

— Ну, хлопцы, готов кулеш. Сидайте.

Партизаны принялись за еду.

Поблизости, в заброшенной сторожке лесника, где помещался партизанский штаб, происходило совещание.

Вокруг стола тесно сидели и стояли крестьяне, каганец на столе желто освещал снизу суровые заросшие лица. В душной тьме звучал горячий, крепкий, убеждающий голос приезжего человека. Он приехал в отряд Коржа от подпольного большевистского комитета. Невысокий, лобастый, в потрепанном пиджачке, он

* Исторический факт. Это произошло на Киевщине в 1918 году в селе Мархлевка.

Фото А. Прохорова

Походная застава перешла в оборону.

призывал к беспощадной войне с теми, кто душит и терзает Украину.

— Нет, товарищи, если воевать с немцами, так уж давайте по-настоящему! Дружно, сообща. У повстанческих отрядов, действующих сейчас вразброд, должно быть общее командование. А самое главное — строгая революционная дисциплина. Нельзя воевать без дисциплины.

Партизаны молчали, насупясь. На загорелых лбах блестела испарина. Корж — смуглый, тонкий, с темной бородкой, в солдатской гимнастерке, перетянутой широким ремнем, — оглядывал притихших мужиков серыми пронизывающими глазами. Военная выправка чувствовалась в подтянутой и ладной фигуре Коржа. (Поговаривали в отряде, что командир — из офицеров, был на германской прапорщиком).

— Дисциплина? — хитро прищурился дядько в рыжих австрийских башмаках: — Шо ж, на старый режим вертаете?

Корж перебил его:

— Глупость порешь, Трохим. Тебе ясно сказано: революционная дисциплина.

Подал голос партизан с открытым и веселым лицом. Примятая фронтовая фуражка сидела у него на затылке.

— Правильно. Приказал командир — и точка. Святое дело.

В сущности, никто из собравшихся не возражал против сплочения пов-

Федор Морозов

Песня

Не шуми ты, тополь,
Не тревожь меня.
Слышишь стройный топот
Мового коня?
Слышишь звон ковыльный
В дальней стороне?
По дороге пыльной
Конь летит ко мне,
Гриву позолотой
К небу разбросал.
Отворю ворота,
Вынесу овса,
Накормлю досыта,
Ешь, да хорошей,
Но не бей копытом,
Не взводи ушей.
Стой и жди рассвета,
Не печаля взгляд.
Ну, а коль по свету
Трубы затрубят, —
Вот тогда по тропам
Нам лететь с тобой.
И высокий тополь,
Провожая в бой,
Песнь за нами следом
Прошумит сильней,
Песню о победах
Родины моей.

станческих сил. Доводы приезжего большевика были для всех убедительны. Даже Трохим пробурчал:

— Шо ж, война — так война. Сто лет воевать будем. За свою землю мы горло перегрызем и панам и немцам.

— Взять, к примеру, меня, — опять заговорил партизан в солдатской фуражке. — Ну, пришел я с германского фронту. Организовал, конечно, незаможний комитет. Ну, председателем выбрали. Поделили, конечно, панскую землю по справедливости. Только-только оправились — хвать, немцы. А с немцами и старый пан заявился. Ну, и пошло! Народу сколько посекли. Не только все назад отдай, да еще контрибуцию плати. Последнее из хаты тащили, ей богу... Разве для этого революцию делали? Ну, и ушел я в лес.

Корж повернулся к приезжему:

— Таких, как мой помощник, товарищ Думченко, у нас большинство. Либо старые фронтовики, либо доведенная до отчаяния беднота.

— За мое жито мене ж и побито, — сказал костлявый, поминутно моргающий мужик.

Красные пятна выступили на обтянутых скулах Коржа. Заговорил со сдержанной страстью, с силой:

— Скоро, товарищи, погоним немцев так, что штаны начнут терять по дороге. Германские империалисты выдумали забрать нашу Украину, а нас превратить в рабов. Обожглись, господа генералы! Каждый пуд хлеба им приходится добывать с кровью. Подымается трудовой народ Украины. Против собаки-гетмана, против немцев — душителей и кровопийц. Против панов, генералов, буржуев!.. Вон, поглядите, вся Украина горит! Леса кишат нашим братом-партизаном, поезда летят под откос. В городах забастовки. Везде восстанья. А из Москвы Красная Армия идет на помощь. Нет на свете такой силы, которая сломила бы революционный народ. Выметем паразитов к чортовой матери и будем строить светлую, советскую нашу Украину. Будет это!

— Гей, Корж! — крикнули тут в разбитое оконце: — Оружие привезли.

Корж поднялся, уперся кулаками в стол.

— Ну, друзья, сегодня покончим на этом. Завтра поговорим на митинге со всеми хлопцами. Вот и товарищ из города тоже выступит.

Когда выходили наружу, приезжий заметил стоящий у порога самодельный прибор необычного вида. Напоминал этот прибор маленький колодезный ворот, с той только разницей, что железный вал был зубчатым, а сбоку приделан фанерный щит.

— Что это у вас за механика?

Корж взялся за ручку и с силой покрутил. Зубчатый вал стал бить по фанере. Гулко затихая вдали, по лесу прокатилась гремящая трель. Горожанин удивился:

— Фу, чертовщина!

— Наш пулемет, — прозвучал в темноте улыбчивый голос Коржа: — Вот такой трещоткой немцев пугаем.

— Замечательно. Кто это придумал?

— Думченко. Он у нас на такие штуки мастер.

Блеснувшая зарница осветила Думченку. Он застенчиво ухмылялся.

— Ну, ничего, — бодро сказал приезжий, — будут у нас и настоящие пулеметы. И пушки будут, дай срок.

***

О своем прошлом обер-лейтенант Тирбах не любил много говорить. Правда, работа в качестве коммивояжера солидной фирмы позволяла жить неплохо. Однако, не хвастаться же, в самом деле, тем, что в довоенное время ему пришлось кочевать по всей Германии, от Кенигсберга до Тироля, с образцами резиновых изделий господина Кранца.

Но затянув свой рыхлый, пивной живот в тесный офицерский мундир, Тирбах почувствовал себя достойным потомком древнегерманских воинов. Он стал завоевателем. Он ощутил в груди воинственный дух древних северных викингов. Чорт возьми, Германия превыше всего! Он шел уничтожать, покорять, насаждать германскую культуру.

А кроме того, во время войны, если соблюдать мудрую осторожность и не лезть под пули, легко сделать и хорошую карьеру. Здесь так и сыплются на тебя чины, ордена и почести.

Экспедицией на Украину обер-лейтенант был очень доволен. Во-первых, страшный Западный фронт, где Тирбах, говоря по совести, чувствовал себя довольно неважно, теперь останется далеко позади. Во-вторых, Украина, новая германская колония, славилась своим изобилием. День и ночь шли отсюда на запад поезда с хлебом, с сахаром, со всяким сырьем. Не только офицерам, но и солдатам оккупационной австро-германской армии был отдан строгий приказ регулярно отправлять домой продовольственные посылки — подкармливать родных.

Ого! Обер-лейтенант Тирбах покажет, что значит сопротивляться и бунтовать. Он сумеет навести здесь идеальный порядок.

Батальон Тирбаха был послан, главным образом, для ликвидации партизанского отряда Коржа. Слава о лихом красном командире дошла даже до гетманского Киева. Однако, бравый обер-лейтенант скоро понял, что на него возложена весьма нелегкая задача. Корж был неуловим и в то же время вездесущ. То и дело

приходили тревожные вести: там уничтожена варта, здесь разгромлен военный склад, в третьем месте расстрелян из кустов конный разъезд — ускакал лишь один кавалерист. Упорно избегая столкновения с крупными неприятельскими силами, Корж тревожил, нервировал врага на каждом шагу. Он не давал покоя немцам ни днем, ни ночью.

Тирбах бесился. Очевидно, у красных великолепно налажена связь. Среди так называемого мирного населения находились тайные информаторы. Они жили бок о бок с немецкими солдатами. Они все видели, все знали и сообщали партизанам в лес.

Тирбах решил сделать облаву. Рано на рассвете, когда низины были залиты легким молоком тумана, отряд двинулся в большой лес неподалеку от села. Рассыпавшись длинной цепью, все дальше и дальше продвигались в зарослях солдаты, прощупывая кусты штыками.

Уже высоко поднялось солнце, и лесные полянки вспыхнули прозрачным зеленым огнем. Облава продолжалась. Лес попрежнему был тих и безлюден.

Кремер шел в передовой цепи. Узкий, заросший орешником овражек преградил ему дорогу. Снизу доносился слабый плеск ручейка. Мартин опустился под глинистую кручу. Положив рядом с собой винтовку и став на четвереньки, припал к прозрачной холодной воде. Ясно виднелось песчаное дно — по нему медленно плыла тень сухого листка, упавшего на поверхность ручья. Утирая губы, ронявшие длинные огнистые капли, Кремер, наконец, оторвался от воды. Над родником, растянутая на кривых, выпирающих из земли корневищах, еле заметно колыхалась большая паутина. Шелком и бирюзой отсвечивала она на солнце.

Чтобы лучше рассмотреть паутину, он отвел рукой поникшую, пронизанную светом ветку клена. Навстречу Кремеру из зеленоватого полумрака блеснули два живых, полных невыносимого напряжения человеческих зрачка. В кустах под обрывом притаился один из тех, кого они искали.

Молча, в звериной растерянности и настороженности, смотрели они друг другу в глаза — немецкий солдат и спрятавшийся партизан.

— Большевик! — шопотом сказал Кремер. В груди у него стало пусто и холодно. Он вынес вперед зазубренный нож штыка. Вот она, неожиданная удача! Судьба улыбнулась ему. Он уже чувствовал на своих плечах желанные унтерофицерские погоны.

— Ребята, сюда! — закричал он пискливо: — Большевик!

С треском ломая кусты, со всех сторон сбегались, прыгали в овраг немецкие солдаты.

***

— Ти дольжен сказайт, где есть Корж. Ферштейст ду? Ти понималь? Квартир Корж. Ну?

Обер-лейтенант допрашивал в штабе пойманного человека. Окруженный немцами, колеблясь на ногах, стоял перед офицером Думченко. Высоко, неровно подымалась и опадала грудь. С угла разбитого рта, пересекая заросший подбородок, тянулась красная нитка. В комнате было светло и жарко. Воздух гудел перелетным мушиным жужжаньем.

— Ничего я не знаю, — глухо ответил Думченко. — Никакого Коржа не знаю.

Кремер, стоявший поодаль с винтовкой у ноги, увидел, как по лицу обер-лейтенанта пополз тусклый румянец. Тирбах отмахнулся от мухи, что вилась над сырым его лбом, и поднялся из-за стола. Поскрипывая начищенными до блеска сапожками, вплотную подошел к пленнику. Коротким прямым движением бросил кулак вперед. У Думченки лязкнули зубы, мотнулась голова.

— За что ж бьете? — выкрикнул он гневно.

— Мольчать! О ду, ферфлюхте руссише швайн!

Обернулся к солдатам:

— Шомполами! Покрепче!

Думченку вывели из хаты. На улице перед штабом была поставлена длинная хромоногая скамья. Оберлейтенант был сторонником публичных экзекуций. По его мнению, они производили на окружающее население наилучшее психологическое воздействие. Думченко тупо взглянул на скамейку, на солдат, стоявших с длинными, гибкими стальными прутьями в руках, стиснул зубы. Тирбах закуривал сигаретку, руки у него прыгали. Сигаретка сломалась пополам. Он злобно швырнул ее и сунул в рот другую.

С Думченко сорвали одежду и заставили лечь голым животом на твердую, теплую под солнышком скамью. Он уткнулся носом в сложенные руки, зажмурился.

Солдаты окружили лежащего на скамье полуголого человека. Среди них был Кессельмейер. На лице баварца застыло выражение тупой готовности. Кремер услышал, как взвизгнул рассекаемый воздух. Вслед за

Со всех сторон сбегались, прыгали в овраг немецкие солдаты

Худ. А. Е. Куликов и Г. Н. Горелов

Диорама „Бой на Чонгарском мосту".

тем вырвался короткий, хриплый, как бы удивленный вскрик, но тут же партизан замолчал. Слышно было, как трещит под ним скамья, как скрипят у него зубы. Но он молчал.

— Веселей! — покрикивал Тирбах: — Поддай пару.

На траве перед Кремером уродливо двигались тени. Над темным бесформенным клубком шевелящихся силуэтов то и дело подымались длинные тонкие гибкие линии. Они взлетали, опускались, опять взлетали. Потянуло резким, как чеснок, солдатским потом. Воздух свистел. И вдруг человек на скамейке закричал, не вытерпев муки. Он кричал что-то непонятное для Кремера, но офицер сейчас же приказал:

— Отставить. Облить водой.

Думченку подняли со скамьи. Голова у него свесилась на грудь. Кессельмейер пыхтел и рукой, в которой был зажат шомпол, обтирал сальную лоснящуюся морду. Тусклеющим взором обвел партизан вокруг себя. Поодаль, за спинами немцев, он увидел притихших, сбившихся односельчан. Он видел бледные знакомые лица, слышал в толпе женские всхлипывания. Все плыло перед ним в тумане. Высокий пронзительный крик донесся до него — не сразу он узнал этот голос. В руках солдат билась Одарка. Она рвалась к мужу, платок ее сполз на плечи. Немцы, ругаясь, грубо отталкивали обезумевшую женщину. Синие губы Думченки шевельнулись, пытаясь что-то сказать.

И тут он заметил остановившийся неподалеку на дороге большой воз сена. На возу сидел мужик в широкополой, сплетенной из желтой соломы шляпе и пристально глядел на Думченку. Партизан узнал это сухое, смуглое, обросшее темной бородкой лицо, эти глаза, светлые, смелые и пронзающие. Человек на возу едва заметно ему кивнул.

— Ну? — подошел к Думченке обер-лейтенант. — Тебе немного есть жарко?

В оскаленном его рту блестел золотой зуб.

— Теперь ти будешь сказайт?

Тогда обезображенный, полумертвый человек высоко поднял мокрую, с налипшими на лоб косицами голову. Неожиданно засверкали глаза — люто горела в них ненависть:

— Палачи! Вампиры!.. Ничего не скажу, хоть бейте на смерть! Недолго вам еще тиранить нас, звери! Недолго!..

— Продолжать! — закричал Тирбах солдатам, багровея и задыхаясь.

Корж тронул вожжами лошаденку. Лицо у него почернело. Тяжело колыхаясь, скрипя неподмазанными колесами, воз двинулся по пыльной горячей дороге.

***

Рослый ефрейтор подвел женщин к амбарчику, вокруг которого буйно разрослись лопухи. Ефрейтор сопел и клетчатым платком обтирал мясистые, цвета сливы, щеки. Экая жара, тысяча чертей!

Перед амбаром, продев большой палец под ремень винтовки, скучно похаживал немецкий часовой. Распухшими от слез глазами взглянула на него Одарка. То был их постоялец Кремер.

Ефрейтор открыл ключом замок, сбросил тяжелый железный засов и толкнул дверку. Низко согнувшись, переступили женщины высокий порог. Кремер стал у двери.

После полуденного зноя и резкого света, в первый момент Одарка почувствовала себя ослепшей. Не сразу заметила, что у стены лежит на земле человек. Он лежал ничком и глухо постанывал. Схватившись за сердце, Одарка бросилась к нему.

— Петро!

Думченко шевельнулся, охнул от жгучей боли.

— Петро! Що воны зробыли з тобой, каты!

Она присела возле мужа, боясь взглянуть на спину его, прикрытую рваной, черной от крови рубахой. Мелкая ледяная дрожь колотила Одарку, она стискивала челюсти, чтоб не стучали. Партизан облизнул спекшиеся губы.

— Корова-то поправилась?

Женщина молча кивнула головой.

Прижав ко рту сухие кулачки, старуха не сводила с сына страшных белых глаз.

— То хорошо, Одарка, что нет у нас ребят, — с трудом проговорил Думченко.

В амбар вошел ефрейтор и стал нетерпеливо подталкивать женщин к порогу. Кончился скудный запас минут, отпущенных на последнее свиданье.

— Прощайте! — Думченко, собрав силы, повысил голос: — Мать, не забижай Одарку. Живи.

Тогда, будто сразу все поняв, Одарка всплеснула руками и рванулась к мужу. Старуха завыла. Ефрейтор выталкивал их, ругался по-своему, рыжие усы встали торчком. Кто-то взял Одарку сзади за плечи. Она обернулась, увидела лицо Кремера и яростно плюнула в него.

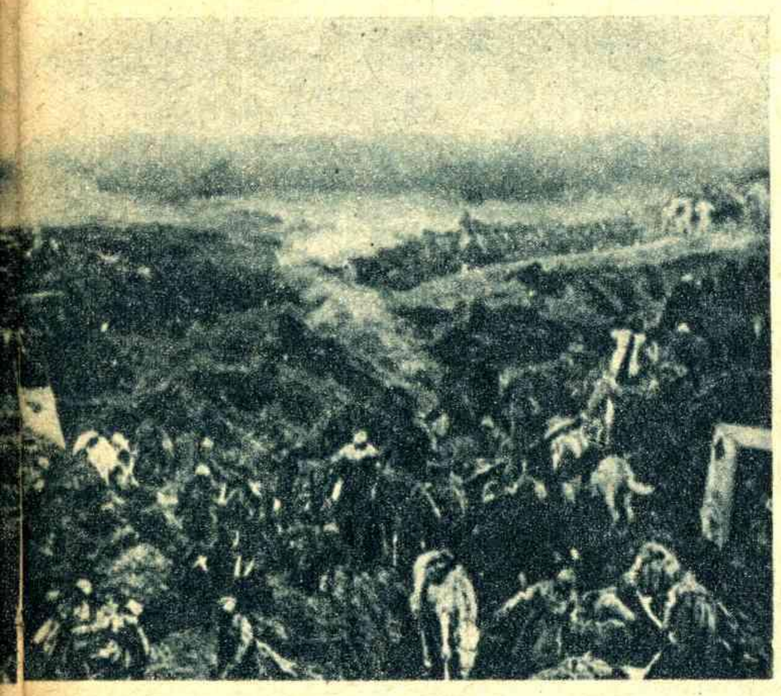
***

Сумерки застилали село. Перед домом, где жила Одарка, толпились немцы.

Перекликаясь и пошучивая, солдаты носили огромные охапки сухой соломы, с шелестом ползущей по земле, и сваливали их под стенами

Худ. А. В. Моравов и А. А. Пржецловский

Репродукция Г. Донского



хаты. Тирбах, покуривая, с брезгливым видом наблюдал за работой.

— Начинай, — приказал он, когда приготовления закончились. Кессельмейер сунул зажженный факел, и по соломе, разрастаясь, поползло черное пятно, окруженное красными змейками. Затрещало, потянулся жиденький молочный дымок. Беленые стены хаты осветились, порозовели. Кессельмейер бегал по двору с пылающим факелом и поджигал сараи. По соломенным крышам, точно знакомясь с добычей, стали бродить проворные огни.

Затерянный среди солдат-зевак, видел Кремер выброшенных на улицу двух женщин. С собой им ничего не позволили взять.

Когда над домом взвился длинный оранжевый язык, а у соседей одна за другой завыли собаки, старуха внезапно с воплем метнулась к огню.

— Хальт! — крикнул офицер, хватаясь за кобуру.

— Цурюк!

Но старуха не остановилась. Тирбах шагнул навстречу и сразмаху опустил ей на голову тяжелую кованую рукоятку револьвера.

— Русская свинья! — выдавил обер-лейтенант сквозь зубы и, сделав крутой поворот на каблуках, мерно зашагал к своей квартире. На неестественно освещенной дороге, где плясали тени людей, остался лежать темный, неподвижный куль тряпья. Одарка не шевельнулась. Остановившийся взгляд ее был прикован к бушующим огненным вихрям.

Затрещав, провалилась истлевшая крыша, гуще и черней заклубился дым, над обугленным остовом стен огненной метелицей понеслись искры. Одарка широко, как в церкви, перекрестилась и, трудно ступая, побрела по дороге в ночь, в тьму.

***

Ночь глухая, беззвездная. Небо завалено тучами. Кессельмейер стоит у амбара, где заперт Думченко, на окраине села. Прислонясь к стене, баварец зевает так, что скулы трещат. До чего ж хочется спать!

Стой тут, карауль этого проклятого большевика... И чего церемонится с ним обер-лейтенант? Давно бы пустил в расход. Должно быть, все-таки хочет выжать из него все, что нужно... Говорят, они против кайзера и бога, против собственности. Слыханная ли вещь, чтоб на свете не было собственности? Дай им волю, они, пожалуй, отняли бы у него, Кессельмейера, его собственную ферму. Отнять ферму?! Ну, нет, дудки! Таких людей с корнем нужно истреблять, как сорную траву!

Мысли баварца начинают путаться, свинцовая голова клонится на грудь. Он вздрагивает и с испугом широко раскрывает глаза. Темно, тихо. Лишь замогильным голосом стонет недалеко в болоте выпь. Проклятая птица! Проклятая страна, где нет покоя ни днем, ни ночью. Одно только хорошо — жратвы здесь вдоволь. На этом деле здорово можно подзаработать. Он, Кессельмейер, и так шлет домой посылку за посылкой. Наверно Марта — она баба смышленая и ловкая — целую торговлю развела. Кончится война, вернется Кессельмейер на родину — и в сундуке десятки тысяч марок. Хо-хо, заживем!..

Привалясь плечом к дереву, дремлет часовой. Он не слышит, как шелестит возле него бурьян, не видит, как из канавы осторожно приподнимается чья-то темная голова. Он приходит в сознанье только на мгновенье, но уже поздно. Хриплый вскрик, короткая возня. Винтовка, звякнув, падает на землю. Сползая спиной по стене, Кессельмейер медленно оседает вниз. В горле баварца, точно в испорченном водопроводе, хрипит и булькает.

— Спекся, — тяжело дыша, говорит Трохим — и обтирает нож о влажную траву. Потом отодвигает засов — взвизгивает ржавое железо, — открывает дверь амбара.

— Думченко! Это я, Трохим, Живой?

Из мрака — сдавленный неверящий голос:

— Трохим!

— Выходи, друже, — шепчет партизан и, приставив к губам ладони, издает глухой плачущий крик болотной птицы.

В этот час Кремер вместе с Раупом пили самогон.

Оба сидели в хате, где жил Фриц, — туда теперь перевели Кремера. Семья хозяина давно уже спала, воздух стоял душный и спертый, на стене слабо светилась керосиновая лампочка с зеркальным щитком-рефлектором. Зеленоватый штоф перед солдатами был уже наполовину опорожнен. По залитому столу, среди хлебных крошек и огуречных объедков, сновали тараканы. Хозяин хаты, курносый мужик с острой коричневой лысиной, добродушно улыбаясь, то и дело подливал немцам из пахучей бутыли.

Гортань Кремера обжигало жидким огнем. Он жмурился, кашлял, тряс головой. Довольный хозяин глухо посмеивался и царапал выгоревшую бороду.

— Это он варит. Зверская штука, будь я проклят! — Фриц шлепал хозяина по кривому плечу.

— Мартин, это мой друг. Мы объясняемся с ним руками, точно глухонемые, но он мой друг. И зовут его,

Репродукция Г. Донского

Диорама „Разгром белых у Юшуньских копей".

конечно, Иваном. Гопля! Да здравствует Интернационал!

Мундир на Раупе расстегнут, небритые обрюзглые щеки раскалены.

— Давай, Мартин, споем. Чорт возьми, когда-то я был в певческом ферейне. Я был сознательным рабочим. Я слушал старого Августа Бебеля. Я был когда-то человеком, Мартин, а что из меня сделали? Битую фронтовую шкуру, вот что из меня сделали!

Кулак Фрица падал на стол — бутылка, звякнув, подскакивала.

— Не болтай ерунды, Фриц. Война есть война, а немец есть немец, — говорил Кремер с пьяной солидностью. Он уже свысока смотрел на приятеля. Недавно сам обер-лейтенант сказал Мартину, что представит его к повышению. Чего доброго, скоро Фриц будет стоять перед Мартином Кремером навытяжку.

— Раз мы завоевали эту страну, значит нам должны подчиняться, а не бунтовать.

— Ха, бунтовать! Они защищают свою свободу. И здорово защищают, будь я проклят!

— Тупые дикари, — сказал Кремер, — тупые и упрямые ослы.

Он вспомнил Одарку, густой плевок, повисший на его щеке, и медленно и злобно стиснул пальцы в кулак.

Но Рауп не слушал.

— Как они здорово держатся! Я никогда не забуду, как мы повели тех, трех. Знаешь, один бросился на нас с лопатой. Мы стреляли в него, а он кричал: «Революция!.. Ленин!» Мы скоты, Мартин. Пей!

Фриц опрокинул под усы новый стаканчик. Оглянувшись на темное оконце, жарко зашептал:

— Слыхал, что в Берлине? Народ требует мира. Рабочие бастуют, заводы стоят... Похоже, начинается. Как у русских. А, Мартин?..

Блеск за окном. Оглушающий удар, от которого дрогнули и зазвенели стекла. Солдаты шарахнулись.

— Ручная граната! — прохрипел разом протрезвившийся Рауп.

Совсем близко послышались крики, бухающие выстрелы. Суматошная пальба перекатывалась по всему селу. Кремер распахнул окно и выглянул. Ночь была на ущербе, звезды гасли, восток наливался зеленой водой рассвета. Белея в сумерках, выскакивали из хат полусонные, ошалелые немцы. Посты были сняты. Партизаны с двух сторон ворвались в село.

— Винтовки! — метался по хате Кремер. — Куда, к дьяволу, девались винтовки?

Угол за кроватью, куда обычно ставили они ружья, был пуст. Оружие исчезло. Непонятно глядя на растерявшихся солдат, хозяин крадучись, шаг за шагом, подвигался к выходу.

— Это он нарочно спрятал!

Кремер, сжав кулаки, бросился на мужика, но тот выскочил за порог и хлопнул дверью. Солдаты растерянно переглядывались.

... Привстав на стременах, высоко подняв голубой отточенный клинок, Корж скакал по сельской улице. Сзади, догоняя, с криком и гулом катилась конная партизанская лава. Немцы беспорядочно стреляли из окон. Впереди, у штаба, залегла их жидкая цепь, по ней перебегали острые огоньки. Глаза у Коржа блеснули, он заметил офицера. Немец кричал высоким пискливым голосом и размахивал револьвером. Не обращая внимания на встречные выстрелы, партизанский командир направил коня прямо к нему. Цепь была смята. Корж догонял отстреливавшегося на бегу Тирбаха. Прижал храпящей лошадью к плетню, перегнулся и занес шашку за левое плечо.

— За Думченку, гад!

Обер-лейтенант рухнул с расколотым черепом.

Бросая винтовки, немцы разбегались, лезли через плетни. Партизаны их преследовали и рубили. Некоторые солдаты стояли с поднятыми руками. Среди них были Кремер и Рауп.

Подняв над собой ослабевшие руки, увидел бледный Кремер, как мимо него, обдав клубами пыли, проскакала на лошади Одарка. Она была без шапки, с взлохмаченными, по-мужски остриженными волосами и, держа обрез, кричала что-то звонким голосом, полным ненависти и торжества.

Обер-лейтенант рухнул с расколотым черепом.

НА МАНЕВРАХ

Борис Филиппов

Спит в туманах озеро,
Спит в кайме лесов.
На эмали Мозера
Только шесть часов.
Из-за чиста поля
Краем золотистым
На простор, на волю,
Как труба горниста,
Поднималось солнце.
С солнцем в путь-дорогу
Выступила конница...

*

Тихими порядками
В золотой оправе
Облака палатками
Ветер в небе ставит.
Вдоль реки под ними,
Пополняясь с плота,
Ротами стальными
Строилась пехота.
Части шли до леса,
Лесом — до кургана
Под густой завесой
Белого тумана.
По холмам покатым
Травы не шептались,
Крепким перехватом
Ружья накалялись.

Шли, сомкнувшись туго,
Как одни на свете,
От друга до друга
Не проскочит ветер.
Засекой да пущей
Шла вперед разведка...
Поразведай пуще,
Синий целит метко...

*

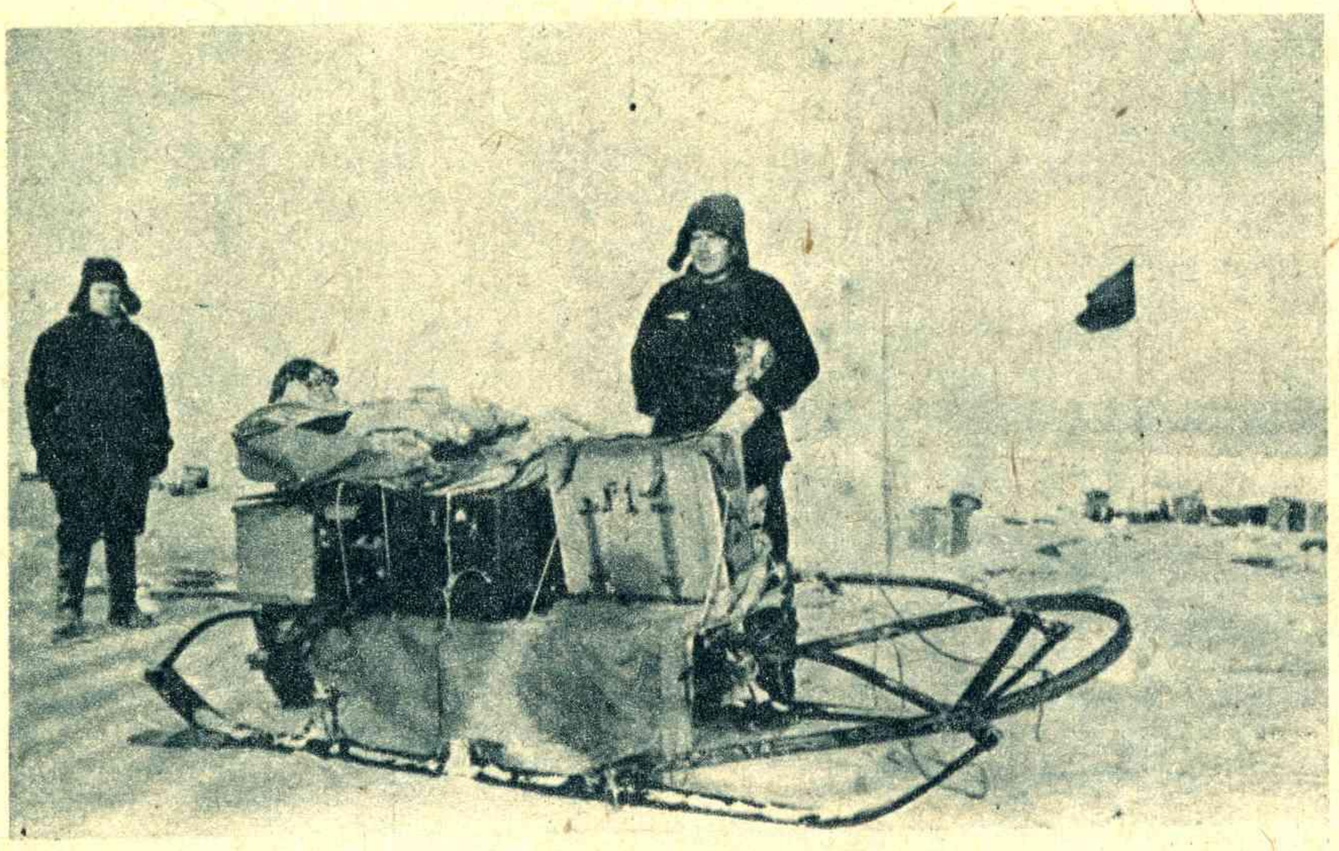
Синий целит метко,
Шлем берет на мушку,
За туманом крепко
Заряжает пушку.
По всему местечку
На войну с лесами
Сходят танки в речку
Серыми гусями.
Серыми гусями
Над землей колхозной
Вслед за облаками
Вышли бомбовозы.
Конница на склоны
Сыпалась — летела...
Добрались колонны
До большого дела.

*

На холме высоком
Ворошилов маршал
Пристально в бинокль
Наблюдал за маршем:
В линзах вырастали
Дымные долины.
С флангов выступали
Танки-исполины.
Разрывая воздух
Утренний и мглистый,
С неба ливнем грозным
Шли парашютисты.
Зацвели по склонам
Огневые точки,
С рокотом и звоном
Землю рвут на клочья.
Но от поля брани
Маршал смотрит влево
На поля в тумане
За рекой за белой.
Там открылись взору
Дали — корпусами,
Золото колхозов,
Слитками снопами,
Там, между кустами,
Заполняя линзы,
Детвора с цветами
Шла к нему от мызы
С песней...
Край счастливых
Видел Ворошилов.
И за счастье края
Сила боевая
По первому зову
Биться врага готова.
Снова далью плыли
Фланги первых линий,
Красные теснили
По заречью синих...
На большой станице
Людно у привала,
На цветных петлицах
Кубики да шпалы.
Зазывают хаты
Командиров к чаю,
У плетней девчата
Квасом угощают,
Брагой угощают,
Запивают сами,
Пляски затевают
У дворов с бойцами.
Широко и полно
Пир идет за полночь...

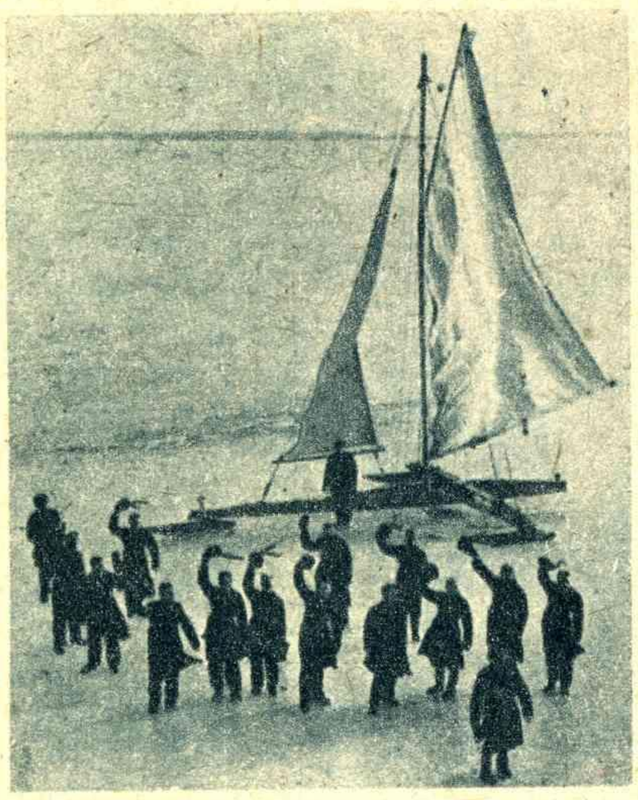
Монтаж А. Зиновьева.

Привет и слава героям-папанинцам, бесстрашным с честью выполнившим в



Эрист Кренкель у нарт, груженных радиоаппаратурой, перед оставлением льдины.

Героическая четверка папанинцев встречает участников экспедиции „Таймыр" и „Мурман".



Краснофлотцы Балтики, встретившие на льду вблизи Кронштадта героическую четверку папанинцев.

Завоеватели Северного полюса Герои Советского Союза П. П. Ширшов, И. Д. Папанин, Э. Т. Крен и Е. К. Федоров с женами на борту ледокола „Ермак".

Герой Советского Союза О. Ю. Шмидт, и. о. секретаря МК и МГК ВКП(б) тов. Угаров и Герой Советского Союза И. Д. Папанин на трибуне на торжественном митинге в Москве.

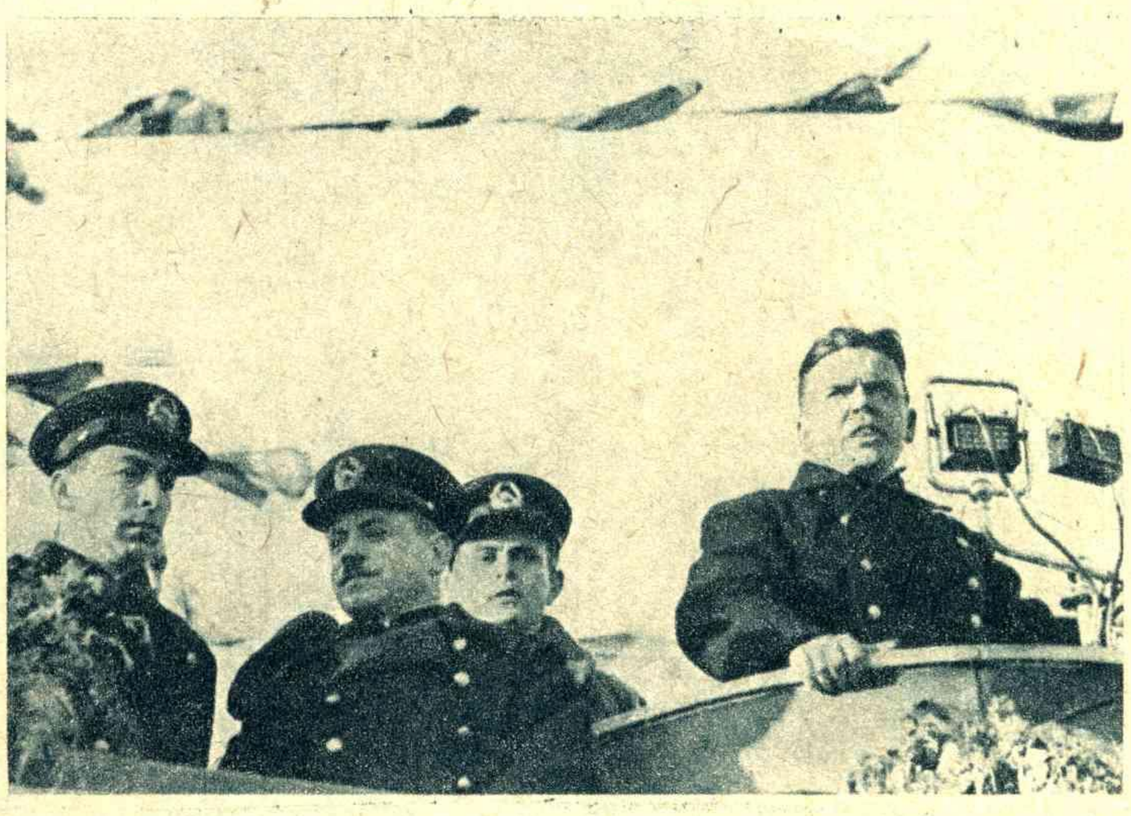
Трудящиеся Москвы встречают на Комсомо

завоевателям и исследователям Северного полюса,
ликое сталинское задание!

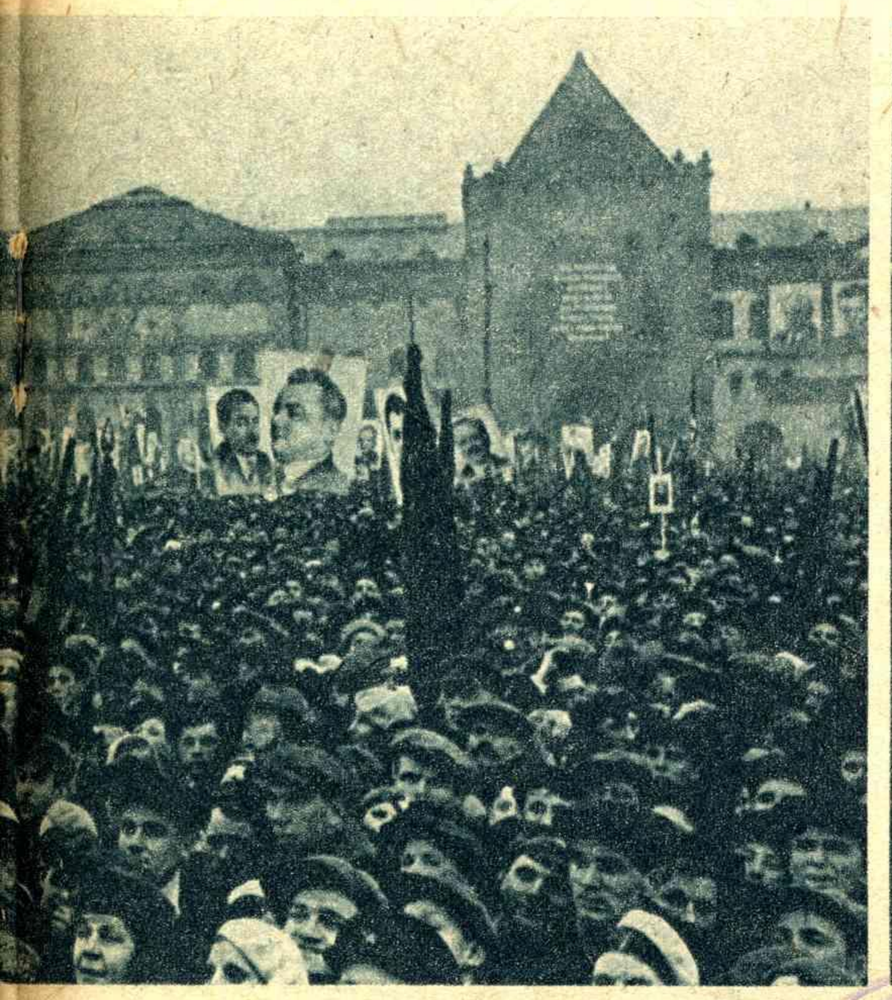
Участники экспедиции „Таймыр" и „Мурман" вместе с папанинцами отправляются к лагерю станции „Северный полюс".

Участники экспедиции „Таймыр" и „Мурман" собирают имущество дрейфующей станции „Северный полюс".

Герой Советского Союза И. Д. Папанин обходит почетный караул, выстроенный у ледокола „Ермак" в Ленинграде.



Эрнст Кренкель выступает на митинге в Ленинграде. Слева стоят Е. К. Федоров, И. Д. Папанин и П. П. Ширшов.



кой площади героическую четверку папанинцев.

Машины с героями-папанинцами проезжают по улицам Москвы в Кремль.

БИЛЛ АДАМС

Перевод П. Охрименко

МАТРОС

Рис. В. Высоцкого

Все свои отроческие и юношеские годы Тимми Моран мечтал о море. Он читал всю морскую литературу, какая только попадалась ему под руку. В своем воображении он плавал с Колумбом, Магелланом, Дрейком; путешествовал вместе с Элиас Лей, Джоном Оксенгэм, Сэлвейшон Эо.

Достигши совершеннолетия, Тимми Моран ушел в море. И он попал в такие же тяжелые условия, в каких находились все ранние мореплаватели, о которых он мечтал все эти годы. Нет, даже в более тяжелые. Он ушел в море в то время, когда пар вытеснил парусные корабли почти со всех торговых морских путей. Моряки плававшие с Дрэйком и Магелланом, не испытывали тех трудностей, какие пришлось испытать морякам последних парусных судов. В былые времена, когда люди уходили в море в поисках приключений, суда хорошо снабжались людским составом, и сами они были маленькие, с небольшими парусами, в пути часто заходили в порты на островах, где всегда можно запастись и свежим мясом и овощами. Но со временем суда стали плавать прямо из порта в порт — десять, двенадцать, четырнадцать тысяч миль без остановки. Четыре-пять месяцев в море — и ни клочка земли.

Корабль, на котором плавал Тимми Моран, был большой и высокий. Его грот был девяносто футов в вышину и сорок пять в ширину. Тонкие вершки его мачт почти касались облаков. При трех огромных мачтах и двадцати восьми парусах на нем было всего лишь четырнадцать фок-мачтовых матросов. Их помощниками были четыре юнги, помещавшиеся на баке, позади грот-мачты. Тимми Моран был в числе этих четырех.

В первый же день на борту корабля Тимми Моран испытал всю тяжесть морской службы. До того времени он совсем не знал тяжелой работы. Задолго до полудня его ладони были уже покрыты кровавыми мозолями. Он понятия не имел, насколько тяжела жизнь матроса. И тем не менее он не роптал. Он только был удивлен. Читая о приключениях на море, о тех тяготах, какие приходилось испытывать морякам, он совершенно не представлял себе, что такое эти тяготы. Он ел соленую свинину, которая осталась от запасов предыдущего плавания и, конечно, попортилась, и сухари, имевшие вкус прелой соломы. В первую же ночь на море он испытал морскую болезнь, и ему пришлось изрыгнуть и то и другое. И в ту же первую ночь он до полуночи стоял на вахте. Еще задолго до конца вахты он познал, что значит «устать». И он порядком замерз, насквозь промокнув, и он также понял, как должен чувствовать себя человек, когда над ним насмехаются грубые, бессердечные люди.

В первую неделю на море Тимми Морану ни разу не пришлось подняться на мачту. Он все время был на палубе. К концу недели он уже вполне понял, — или только думал, что понял, — какую тяжелую жизнь он себе избрал. Но в нем жила надежда, хотя и слабая, что он выдержит эту жизнь. Надежда его подкреплялась сознанием, что двое из его товарищей — молодые юнги — уже совершили дальние плавания, пробыв на море около года. Раз выдержали они, то и он выдержит, рассуждал Тимми. И еще один юнга, который, как и он, впервые совершал плавание, казался совершенно спокойным. Ну, и он будет относиться ко всему спокойно!

Но на восьмой день своего пребывания на море Тимми Моран узнал кое-что, о чем он никогда и не подозревал. Стоявшим на вахте было приказано подняться вверх на мачту, чтобы спустить вниз нижний марсель для починки. Марсель этот был примерно в шестидесяти футах от палубы. Над ним высились, один над другим, верхний марсель, брамсели и бом-брамсели — последние на высоте примерно ста семидесяти футов от палубы.

— Ну-ка, скачи наверх и помоги там, Моран! — приказал штурман таким тоном, словно Тимми приходилось делать это каждый день всю его жизнь.

Тимми Моран полез на такелаж вслед за вахтенным. Когда он стал подниматься вверх, он вдруг почувствовал необыкновенную легкость, словно он был птицей. Корабль качался и нырял на мертвой зыби океана. Вокруг него и вверху над ним паруса описывали дуги. Море пестрело маленькими пенистыми волнами — солнечное, сверкающее море.

Когда Тимми Моран поднялся только наполовину нижнего такелажа, палуба показалась ему далеко внизу, хотя до нее было всего лишь тридцать футов. Марсель, к которому он взбирался, был неизмеримо высоко над головой. По мере того, как он продолжал взбираться, ощущение родства с птицами прошло. Если он и был родствен птице, то только такой, у которой подрезаны крылья. Он начал дрожать. Дрожа, добрался до путенс-вантов; здесь такелаж отходил в сторону, и чтобы перебраться через платформу, известную под названием «топ», он должен был ползти на спине: голова его была гораздо дальше от мачты, чем ноги. Он уже ничего не видел ясно перед собой, словно перед глазами у него стоял туман. Он задыхался и, задыхаясь, кое-как сумел пролезть над путенс-вантами. Но лезть выше был не в состоянии. Он перешагнул с такелажа верхней мачты на платформу «топа» позади ее, и стоял там, дрожа всем телом, с затуманенным взглядом.

Вся беда была в том, что он принадлежал к тем людям, которые не могут без страха подниматься на высоту. Их тянет вниз, им кажется, что они сейчас упадут. Высота вселяет ужас в сердца таких людей.

Тимми Моран беспомощно стоял наверху, не зная, как быть; он знал только, что раз ему приказано добраться до марсели, то он не может спуститься вниз. И лезть выше он не может. Со всех сторон паруса описывали огромные дуги. Порывы ветра ударяли его из-под туго натянутых парусов. Далеко внизу, словно в тумане, небольшим клином маячила палуба; вокруг нее пенилась вода.

— Сейчас же слезай, а не то свалишься и разобьешься в лепешку! — донесся до него голос сверху. Тимми поднял глаза и увидел бесстрашные улыбающиеся глаза матроса.

Тимми Моран проглотил слюну, крепко ухватился за такелаж верхней мачты, ступил на него и полез дальше. Но когда добрался до реи марселя, работа уже была почти окончена. Никто не обратил на него внимания, кроме добродушного старого матроса, который спросил его потихоньку: «Сынок, зачем ты пошел на море?» Тимми ничего не сказал в от-

вет. Через минуту вахтенный уже спускался вниз на палубу, и он вслед за другими, в самом конце. Спускаться на путенс-ванты было даже труднее, чем подниматься.

Снова очутившись на палубе, Тимми Моран тотчас выбросил из головы всякие мысли о мачтах. Быть может, в другой раз не будет так трудно? Он ни слова не сказал своим товарищам-юнгам о страхе, который он пережил на высоте. Не подозревая о том, что этот страх высоты был у него от природы, он считал себя трусом. И эта мысль, как острый нож, вонзалась в его сердце. Никто не должен знать об этом!

Целую неделю после этого не приходилось подниматься вверх. Но вот как-то подул свежий ветер, и раздался голос штурмана: «Взять паруса на гитовы!» Когда бом-брамсели были подтянуты, штурман крикнул: «Эй, Моран, полезай и убери верхний бом-брамсель!» — словно Тимми убирал эти паруса всю свою жизнь.

Тимми мог бы сказать штурману: «Я не могу — боюсь высоты. Сначала привыкну работать на нижних мачтах, а потом полезу и вверх!»

И штурман, несомненно, ответил бы ему: «Ладно, парень. Можно повременить. Я не убийца».

Ветер все крепчал и корабль страшно качало.

Чувствуя себя так, как чувствует бык, которого ведут на убой, Тимми Моран полез вверх. Когда он только наполовину покрыл расстояние до путенс-вантов, снова перед его глазами все застлало туманом. Но ему все-таки как-то удалось добраться до путенс-вантов, как-то перелезть через них. Ветер ударил ему в лицо. Этот ветер, море далеко внизу, небо над головой — все, казалось, смеялось над ним. Одну за другой передвигал он свои руки, крепко цеплявшиеся за такелаж, и дрожащие ноги и взбирался все выше и выше. Корабль качало и бросало на волнах. Чем выше он взбирался, тем больше он ощущал эту качку. Корабль представлялся ему живым, чувствующим существом, которое вступило в союз с морем и небом, чтобы насмеяться над ним, и только ждало момента, когда он свалится вниз и разобьется насмерть.

Охваченный страхом, почти не дыша, Тимми Моран продолжал взбираться вверх, крепко стиснув зубы, напрягши все мускулы, и, наконец, добрался до салинга брам-стеньги, где надо было оттолкнуться в сторону, головой дальше от мачты, чем ногами.

Тимми Моран протянул руки над салингом и ухватился за такелаж брам-стеньги. И вдруг, когда корабль внезапно качнуло в сторону, ноги его сорвались со своей опоры.

Повиснув на высоте примерно ста двадцати футов над уровнем моря, Тимми Моран отчаянно цеплялся ногами за такелаж брам-стеньги, пытаясь найти опору. В последнюю секунду, когда, казалось, он вот-вот сорвется, его ноги коснулись выблинок. Напрягши все силы, он поднялся над салингом и полез вверх, к полоскавшейся на ветру бом-брамсели, над которой проносились черные тучи.

Он добрался до верхушки мачты бом-брамсели, до его реи, и тут он понял, что дальше лезть не в состоянии — это крайняя его точка. Ступить ногой на выблинку, тонкую, не толще пальца, качающуюся веревочную ступеньку, и пройти по ней в сторону от мачты, около которой все-таки была хоть тень безопасности, ему казалось совершенно немыслимым, свыше его сил. Вокруг бушевал ветер. Черная туча висела прямо над головой. А внизу под ним, на расстоянии ста семидесяти футов, было море, которое, казалось, только ждало, когда он сорвется, чтобы его поглотить.

Тимми Моран осторожно ступил на качающуюся выблинку. Как автомат, совершенно не обладающий волей, наклонился над реей бом-брамсели и стал убирать парус. Он больше уже не был Тимми Моран, — он был теперь просто пешкой в руках судьбы, и ужасная смерть должна была постигнуть его.

Подобрав и сбив книзу середину паруса, его вздутое брюхо, Тимми Моран двинулся дальше по выблинке к носу, чтобы подобрать дальний угол паруса. Выблинка дрожала у него под ногами. Парус огромным шаром отскочил вверх, затем назад и ударил Тимми по лицу, надавил на грудь и обвился вокруг плеч, как будто хотел столкнуть его. Но ему все-таки как-то удалось собрать парус и привязать его.

Потом он пополз назад, к мачте, и к противоположному ноку. Здесь пришлось пройти то же испытание. Наконец, бледный, как привидение, он пополз назад к мачте и стал спускаться вниз. От страха он закрыл глаза, но от этого стало только хуже. Одно мгновение ему казалось, что он никогда больше не откроет их, что он уже обречен на вечный мрак. Но он все-таки открыл их и устремил на мачту, маячившую перед его лицом. По мере того, как он шаг за шагом спускался вниз, мачта становилась все толще, и это служило ему утешением. Он приблизился к салингу и перебрался через него. Еще целая вечность, и он спустился на платформу «топа». Кое-как прополз над путенс-вантами. Спустившись на нижний такелаж, он стал нормально дышать. И, наконец, ноги его коснулись твердой палубы. К счастью, поблизости никого не было. Вахтенные в это время тянули трос. Он присоединился к ним. Никто не обратил на него внимания. Никто не заметил страха в его глазах. Спокойствие вернулось к нему. Передышка. Быть может, в следующий раз будет лучше.

Но лучше не было. Каждый раз, когда Тимми Моран поднимался вверх, происходило то же самое. Как ему удавалось скрывать от других свой страх, совершенно непонятно. Возможно, что моряки — плохие наблюдатели.

Одна ночь на всю жизнь врезалась в память Тимми Морана. Корабль шел на всех парусах при пассатном ветре. Ветер все крепчал, и корабль страшно качало; его поручни часто были на уровне бушующего моря, и пенистые волны катились через палубу. Но он продолжал итти полным ходом. На небе была полная

луна, освещавшая каждый трос, каждый ревант, каждую выблинку, каждый парус, серебрившийся при лунном свете и натянутый, как барабан. Тимми слышал, как один юнга сказал: «Ну, если так будет дуть, то долго не продержимся. Бом-брамсели может сорвать каждую секунду».

Стоя на залитой водой палубе, под прикрытием грот-мачты, Тимми Моран взглянул вверх на бом-брамсели. На фоне быстро бегущих облаков они описывали дугу в шестьдесят градусов. Если они не выдержат, его судьба решена. Глядя вверх на быстро бегущие облака на беспредельном небе, он молил в душе, чтобы они выдержали. И они выдержали. Когда он сменялся в полночь, старший юнга сказал со смешком: «Ну и несет же нас сегодня! Не плывем, а летим! Красота!» Другие юнги рассмеялись. С бака донесся смех фок-мачтовых матросов. Это была настоящая погода для моряка! Все были в хорошем настроении. И Тимми Моран тоже рассмеялся. Никто не должен знать, что только минуту назад он молил судьбу, чтобы выдержали бом-брамсели. И он ненавидел себя за это. Ведь он — трус!

Пока он находился на палубе, другие вахтенные убрали бом-брамсели и брамсели. На другое утро корабль обогнул мыс Доброй Надежды и взял курс на восток, в Австралию. Ветер все крепчал. Когда Тимми стоял у руля в то утро, брамсели были убраны, и их не собирались ставить, пока не приблизятся к порту. Изо дня в день корабль шел при одних марселях и нижних парусах. Иногда даже на время убирали один марсель и нижний парус. Тимми часто приходилось подниматься вверх, но никогда не выше салингов. Подняться до стеньг и нижних рей было не так уж трудно, хотя и не легко. Он жил в вечном страхе. Но по вечерам, на полувахте, когда его товарищи смеялись, радуясь быстрому ходу корабля, он тоже умудрялся смеяться, чтобы никто не догадался о его страхе.

Как только корабль ошвартовался в Сиднее, Тимми совершенно забыл о своих страхах. Матрос живет сегодняшним днем. В этом отношении он был настоящим матросом.

Когда в первый день, проведя вечер на берегу, Тимми с тремя своими товарищами, молодыми юнгами, возвращался на корабль, на них напало с полдесятка хулиганов, выскочивших из-за пакгауза. Сиднейские хулиганы и босяки очень любят вступать в драку с корабельными юнгами. Произошла быстрая, горячая схватка. Закончилась она тем, что, бросившись на вожака, Тимми несколько раз ударил его кулаком по лицу. Хулиган, как сноп, свалился на спину и лежал без движения. Его приятели бежали.

— Этот молодой юнга с «Оберона», чорт возьми, парень хоть куда, — говорили юнги на всех судах, стоявших в сиднейском порту. — Он делает только первый рейс, но в обиду себя не даст!

Но, слушая эти похвалы, Тимми никогда не забывал о мачтах.

На обратном пути Тимми перенес те же пытки, что и в первое свое плавание. Только на этот раз было гораздо холоднее. Была уже зима, когда «Оберон» обогнул мыс Горн, и плыть пришлось во льдах. Не один раз, находясь вверху на мачте, он был на волосок от того, чтобы сорваться и упасть. Но всегда ему как-то удавалось удержаться на руках, пока он не находил опору для ног. И всегда удавалось скрыть владевший им страх.

Можно притти к заключению, что одного рейса было вполне достаточно для Тимми Морана. Но когда «Оберон» снова отправился в плавание, Тимми был в числе его команды. Он даже не пытался ответить самому себе на вопрос, почему он это сделал.

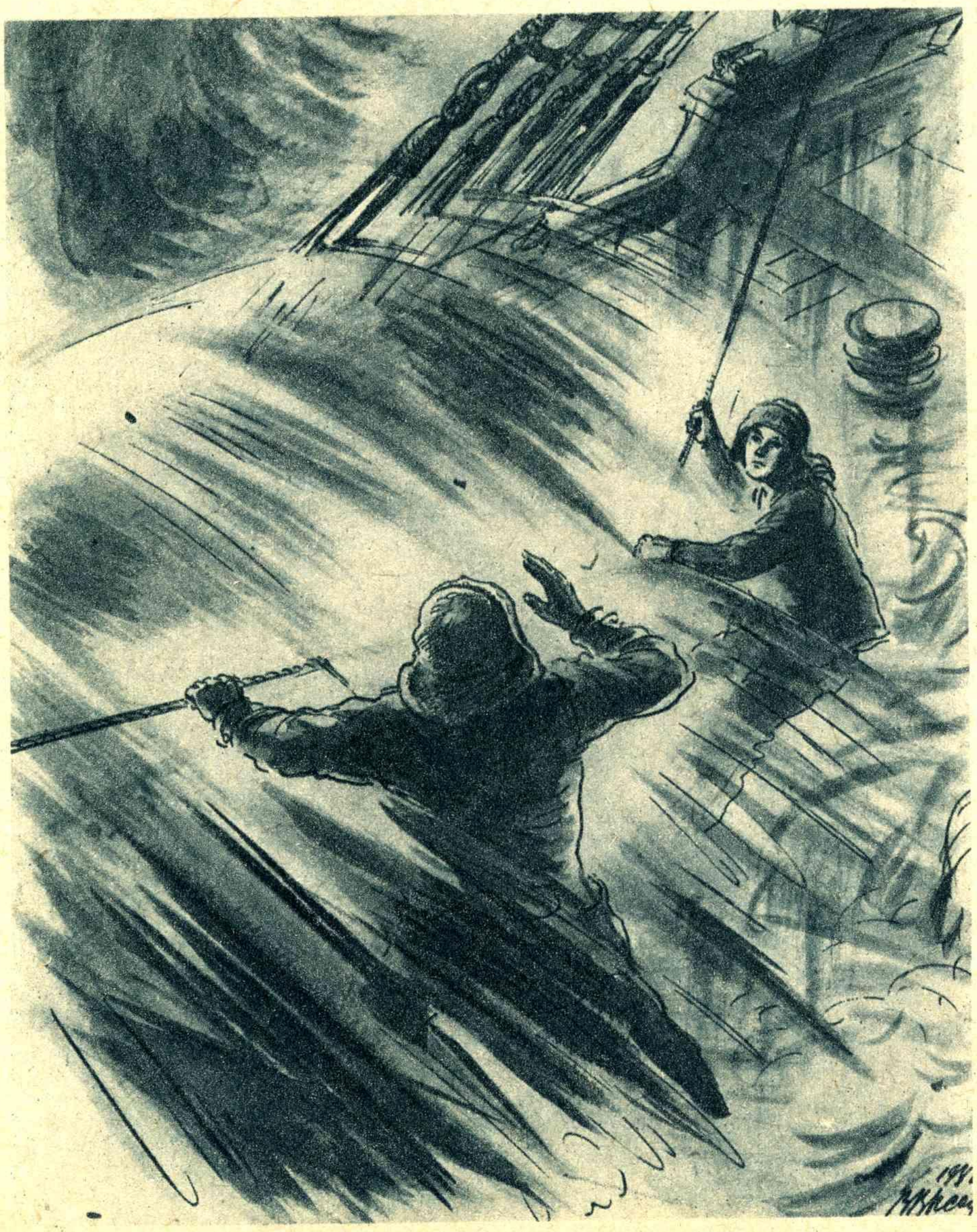
Три рейса уже совершил на «Обероне» Тимми Моран. Когда он отправлялся в свое четвертое и последнее плавание в качестве юнги, его трех товарищей уже не было с ним. Двое кончили учение, а третий был переведен на другой корабль.

Когда Тимми Моран взошел на полубак, три юнги, впервые совершавшие плавание, посмотрели на него с благоговейным ужасом — уважение новичка к старому, бывалому матросу. А Тимми Моран, вспомнив о высокой грот-мачте, рядом с дверью полубака, незаметно вздрогнул. Штурман, новый человек на корабле, которого не было в последнее плавание, взошел на полубак.

— Моран, ты парень бывалый, — сказал он. — Ты старый морской волк. И ты должен всему научить этих новичков. Отдаю их на твое попечение, ты должен сделать из них матросов. Покажи им, что значит быть м а т р о с о м, Моран!

— Есть, сэр, — сказал Тимми Моран, прямо глядя в глаза штурману, хотя сердце его точно в тисках сжало.

— Ладно, Моран, — сказал штурман, доставая из кармана бутылку с тремя звездочками. — Ну-ка, чорт возьми, за здоровье молодой обезьяны, качающейся на палке! — сказал



— Держись, Моран, а то унесет!— крикнул штурман.

он и сделал большой глоток. Затем передал бутылку Тимми. Тот поднес ее к губам.

— Погоди, Моран! Какой тост я сейчас сказал?--спросил штурман.

— Ну-ка, чорт возьми, за здоровье молодой обезьяны, качающейся на палке, сэр! — отвечал Тимми Моран и приложился к бутылке.

— Вы, ребята, не должны пить три звездочки,пока не станете настоящими моряками, как Моран! — сказал штурман. — Помните, что на «Обероне» три бом-брамсели на высоте одной мили. Желаю вам успеха, вы, молодые обезьяны. Моран вам все покажет!

Штурман ушел. Новые юнги с благоговейным ужасом смотрели на Тимми.

«Оберон» плыл при свежем ветре, когда достаточно только марселей и нижних парусов.

— Отпустить марсели! — рявкнул штурман, и новый юнга быстро стал подниматься вверх по такелажу. Но штурман вернул его. — Твоя очередь еще придет. Это надо быстро сделать. Ну-ка, Моран, махни вверх и отпусти марсели! — сказал он.

Тимми Моран стал взбираться по такелажу бизань-мачты. Все шло хорощо. До стеньг он всегда поднимался без особенного страха. И только никак не мог приучить себя подниматься выше салингов. Новые юнги следили за ним, как он поднимался по нижнему такелажу. Если он и дрожал немного, то этого никто не замечал.

Целую неделю дул ветер, и корабль шел только на марселях и нижних парусах. Чувствуя себя уверенно на палубе, Тимми изо дня в день учил новичков,как вязать различные узлы,и знакомил их с названиями управления.

Но однажды в темную, хотя и звездную ночь, когда ветер, наконец, упал, штурман крикнул:

— Отпустить брамсели! Моран, на мачту! Прихвати с собой одного из новичков!

— Есть, отпустить брамсели! — сказал Тимми и тотчас полез на мачту.

«Ну, и спокойный малый, — сказал про себя штурман. — Для него подняться вверх все равно, что застегнуть пуговицы на рубашке».

Тихо покачиваясь, «Оберон» на следующее утро шел при солнечной погоде и пассатном ветре.

— Моран, возьми одного из ребят и полезай к бом-брамселям. Покажи ему, как их отпускать и убирать! — сказал штурман.

Тимми Моран повесил драек на шею и сунул клубок линя в карман.

„Ну, и спокойный малый!"—подумал штурман, глядя на Морана.

— Ты лезешь первый, — сказал он юнге и, сказав это, почувствовал презрение к себе. Он знал, что, поднимаясь первым, юнга не может видеть, как он будет дрожать.

Тимми Морану как-то удалось не отстать от юнги, пока они поднимались по нижнему такелажу, перебрались через путенс-ванты и через салинги. Приблизившись к верхушке мачты, где были бом-брамсели, Тимми встал на такелаже по одну сторону мачты, новый юнга напротив него — по другую.

— А теперь сюда. Гляди! — сказал Тимми Моран, чувствуя, что голос изменяет ему. Стараясь как-то держаться, чтобы не дрожали руки, он показал новому юнге, как нужно хвататься за выблинку — тонкую веревочную лестницу, по которой должен всходить матрос и при бурном ветре и в темноте. Он не мог скрыть бледность своего лица, но старательный юнга этого не заметил.

Изо дня в день Тимми Моран поднимался вверх с кем-нибудь из своих новых товарищей.

— Как далеко палуба внизу! Правда, Моран? — спросил как-то новый юнга.

— Нечего смотреть на палубу! — отвечал Тимми, который никак не мог заставить себя взглянуть вниз.

— Отсюда земля, действительно, кажется круглой. Я вижу, что море вон там вдали делает загиб, — сказал юнга.

— Нечего рассматривать загибы! — отвечал Тимми Моран, боясь взглянуть на горизонт.

— Моран никогда не смотрит в сторону, когда занят, — сказал один юнга другому.

— Но матрос он хоть куда. Когда-нибудь и я буду таким, — сказал другой.

Пассатный ветер сменила отвратительная погода. Моран стоял в дозоре на баке, когда однажды ночью были убраны все паруса, кроме нижних. На рассвете протянули спасательные поручни от одного конца палубы до другого; палуба была залита ревущей пенистой водой. День за днем бушевал шторм. «Оберон» шел прямо в лоб ветру; волны одна за другой перекатывались через палубу. Бледные, как смерть, юнги дрожали. Когда волна, захлестнув полубак, намочила их матрацы и постельное белье, они еще больше стали дрожать. Тимми не обращал внимания ни на шторм, ни на холод и питал надежду, что этот шторм будет бушевать все время и не придется больше подниматься вверх.

— Неужто ты никогда ничего не боишься, Моран? — крикнул однажды штурман, когда Тимми, сбитый с ног волной, покатился по палубе, но быстро вскочил на ноги и подошел к кормовой лестнице, чтобы подняться к рулю.

«Не слыхал, — подумал он, когда Тимми, ничего не сказав в ответ, прошел дальше. — Ну, и смелый парняга!»

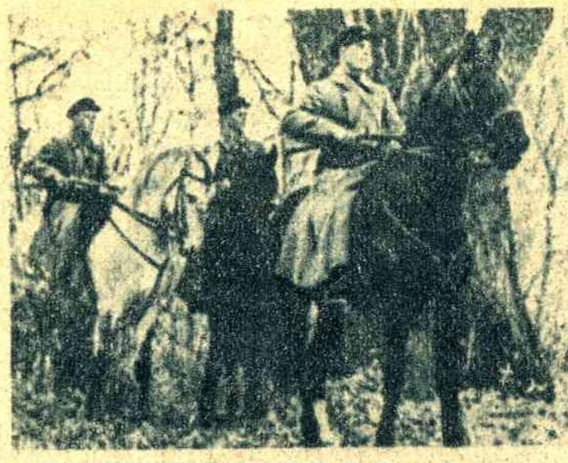
Тимми уже кончал вахту у руля, когда штурман сошел с кормы, крепко держась за спасательные поручни, и стал пробираться по палубе, где бушевала стихия. Приоткрыв немного дверь полубака, он взглянул на дрожавших от страха новых юнг.

— Ну, как с е й ч а с вам нравится море? — спросил он. Безмолвно подняли они на него глаза.

— Вы, ребята, слушайтесь Морана и присматривайтесь к нему! — сказал штурман и повернулся, чтобы уйти. Затем, остановившись, снова обернулся. — Делайте то, что он вам скажет! Все, что бы он ни приказал, — все ладно! Понимаете? — крикнул штурман, стараясь заглушить рев ветра. И с этим он ушел.

«Чортов шторм! — сказал про себя штурман, крепко держась за спасательные поручни и пробираясь по палубе по пояс в воде. — Такая погода делает людей м о р я к а м и!»

Тимми Морана сменил фок-мачтовый матрос, и он, пробираясь по палубе, встретил штурмана, который возвращался на нос корабля.



Леонид Жариков

Баллада о герое

Там, где пески, как море,
И черные цепи гор,
Ехали Лада и Горев
К границе в ночной дозор.
Горев — шахтер Урала,
Лада — казак донской.
В небе луна сияла,
Спереди — тьма стеной.

Ночи в пустыне звонкие —
Шопотом говори!
Ходят по тропкам тонким
С бандами главари.
Крадется по барханам
Черных песков гроза,
Шапка — подарок хана —
Сдвинута на глаза.
Ночи в пустыне звонкие —
Вслушайся в стук копыт!

Едут бойцы сторонкою
От рыжей змеи-тропы.
Едут, а с неба быстро
Катится звезд крупа.
Вдруг из-за сопки выстрел,
И Горев упал.
Выросли из засады
И вспыхнули впереди
Одиннадцать гнутых сабель,
А Лада один.
Одиннадцать черных бород,
Одиннадцать белых чалм
Мчатся к нему на гору,
Падая и крича.

Горев молчит, а рядом
Смотрит на друга конь.
Вьется в груди у Лады
Ненависти огонь.
„Что ж, прощевай, Пашка“, —
Лада проговорил.
Вырвал из ножен шашку
И — пулей с горы.
Рухнули звезды градом,
Звякнула сталь и медь.
Бился отважный Лада
Бился насмерть.

Ночи в пустыне звонкие —
Шопотом говори!
Ходят по тропкам тонким
Хитрые главари.
Только теперь уж бандам
Песками не проходить:
Стоит на границе Лада
И храбрость его стоит.
В тундре и в Ашхабаде,
Над дальней Амур-рекой
Стоит пограничник Лада
С винтовкою боевой.

— Держись, Моран, а то унесет! — крикнул штурман. — Адский шквал!

Море, разбушевавшись, валами налетало на корабль; волна за волной ударяла им в ноги и в бедра, бурлящей пеной взлетая до подмышек.

— Держись! Держись! — кричал штурман.

«Пусть хоть всегда так дует», — думал Тимми Моран, ощущая под ногами прочную палубу и крепко держась за спасательные поручни.

«Чертовски спокойный парень!» — думал штурман, мокрый с головы до ног, как и Моран.

И вдруг какой-то треск, еле слышный из-за рева ветра и бушующего моря, заставил штурмана поднять вверх голову.

— На мачту! Скорей полезай, Моран, и прикрепи вон тот парус! — крикнул штурман, указывая вверх, где на высоте ста шестидесяти футов над бушующим морем верхний брамсель сорвался с реванта. Штурман бросился на палубу, крикнув одному из юнг, чтобы он поспешил на помощь Тимми Морану.

Когда юнга, поднимаясь вверх по нижнему такелажу, взглянул вниз, корабля совершенно не было видно. Над туманом и пеной от клокотавшей на палубе воды он различал лишь три мачты и дрожащую паутину такелажа. Палуба, палубные надстройки, поручни, люки, шлюпки, лебедки — все потонуло в тумане бушующей пены; поднятая бурей поверхность океана вздымалась к небу.

«Ну, теперь мне конец», — думал Тимми Моран, перебираясь через путенс-ванты вместе со следовавшим за ним юнгой. Он не осмеливался взглянуть ни вниз, ни вверх и не видел ни бушующего моря на палубе, ни бегущих у него над головой туч. Ни на минуту не отрывая взгляда от мачты, он поднимался вверх быстрыми рывками, когда корабль клало на подветренную сторону. Но когда корабль бросало на надветренную сторону, он всем телом прижимался к такелажу и застывал на месте. Таким же образом следовал за ним новый юнга. Спешить сейчас было невозможно.

Со смертельно бледным лицом Тимми Моран ступил, наконец, ногой на тонкую, дрожащую выблинку у верхней брамсели. Лицо юнги было не менее бледно. Они оба знали, что мачта, согнувшись, как кнутовище, от надувшегося, как шар, паруса, может хрустнуть каждую секунду и упасть в море.

Напуганный до смерти, буквально задыхаясь от бешеного ветра, Тимми Моран голой рукой ударял по твердому, как барабан, парусу. Юнга делал то же самое. Четыре кулака никак не могли пробить дыры в парусе. Белое полотно паруса окрасилось кровью, брызнувшей из сбитых суставов.

У-у-у-у! — завывал ветер.

Звяк-звяк-звяк! — стучал ракс — железное кольцо, державшее рею трепавшегося на ветру паруса, когда корабль головокружительно качало.

«Конец... конец... конец!» — думал Тимми Моран и в первый раз за все время взглянул на юнгу. Смертельно-бледное лицо юнги поразило его. Никогда еще Тимми Моран не видел в глазах человека такого страха.

«Бедный мальчик! — подумал Тимми Моран. — Бедный, бедный мальчик!»

И как-то все для него сразу стало простым и обыкновенным.

— Полезай вниз! Скорей! — крикнул Тимми Моран юнге чуть не в ухо. Но его крик потонул в вое ветра. Юнга даже не взглянул на него.

Схватив за руку юнгу, Тимми Моран кивнул на бушующую пену внизу.

— Полезай вниз! Вниз! — крикнул он.

Одно мгновение юнга удивленно смотрел в глаза Тимми Морану, затем, вспомнив слова штурмана, начал спускаться.

Оставшись один, Тимми Моран продолжал воевать с парусом. Его страх как рукой сняло. Какая-то новая сила рождалась в нем.

— Дуй, чорт тебя побери! Дуй! — кричал Тимми Моран, и кровь из разбитых суставов снова окрасила парус.

И вдруг штурман появился рядом с Тимми Мораном. В одну минуту они подобрали парус, укрепили его и уже спускались вниз, штурман — впереди.

Подняв глаза вверх, штурман увидел, что Тимми Моран одной рукой держится за качающийся салинг и, спокойно глядя на обезумевшее море, грозит разыгравшейся стихии кулаком.

«Ну, и парень, чорт возьми» — подумал штурман.

Спустившись на палубу, они постояли с минуту в уголке под стенкой спардека.

— Зачем ты отослал назад юнгу? — спросил штурман.

— Мне показалось, что мачта вот-вот треснет и упадет, — отвечал Тимми Моран.

— А как же ты? — спросил штурман.

Тимми Моран только пожал плечами.

С этого дня Тимми Моран никогда уже не боялся подниматься до самой крайней точки такелажа.

«Обезьяна на палке! — говорил про себя штурман, видя, как Тимми Моран обучает новичков, лазая с ними по самым трудным местам такелажа. — Обезьяна, а? Нет, далеко обезьяне до него! Этот малый — просто настоящий м о р я к!»

Испытание

Федор МАТРОСОВ

Перед начальством Никита к полу прирос:
у начальства — заботы разные.
Снял шапку. Кашлянул. Произнес:
„Пишусь... добровольцем... в красные...“
За стеною
сущий содом:
частит гармошка с азартом.
„Добровольцем?“ —
человек за столом
нахмуренный
отвлекся от карты.
Раздумье брови свело,
он в Никиту нацелился взглядом-сверлом,
оглядел его с головы до ног:
„Парень совсем еще сосунок!“
— Ну что ж!
Зачислим без канители.

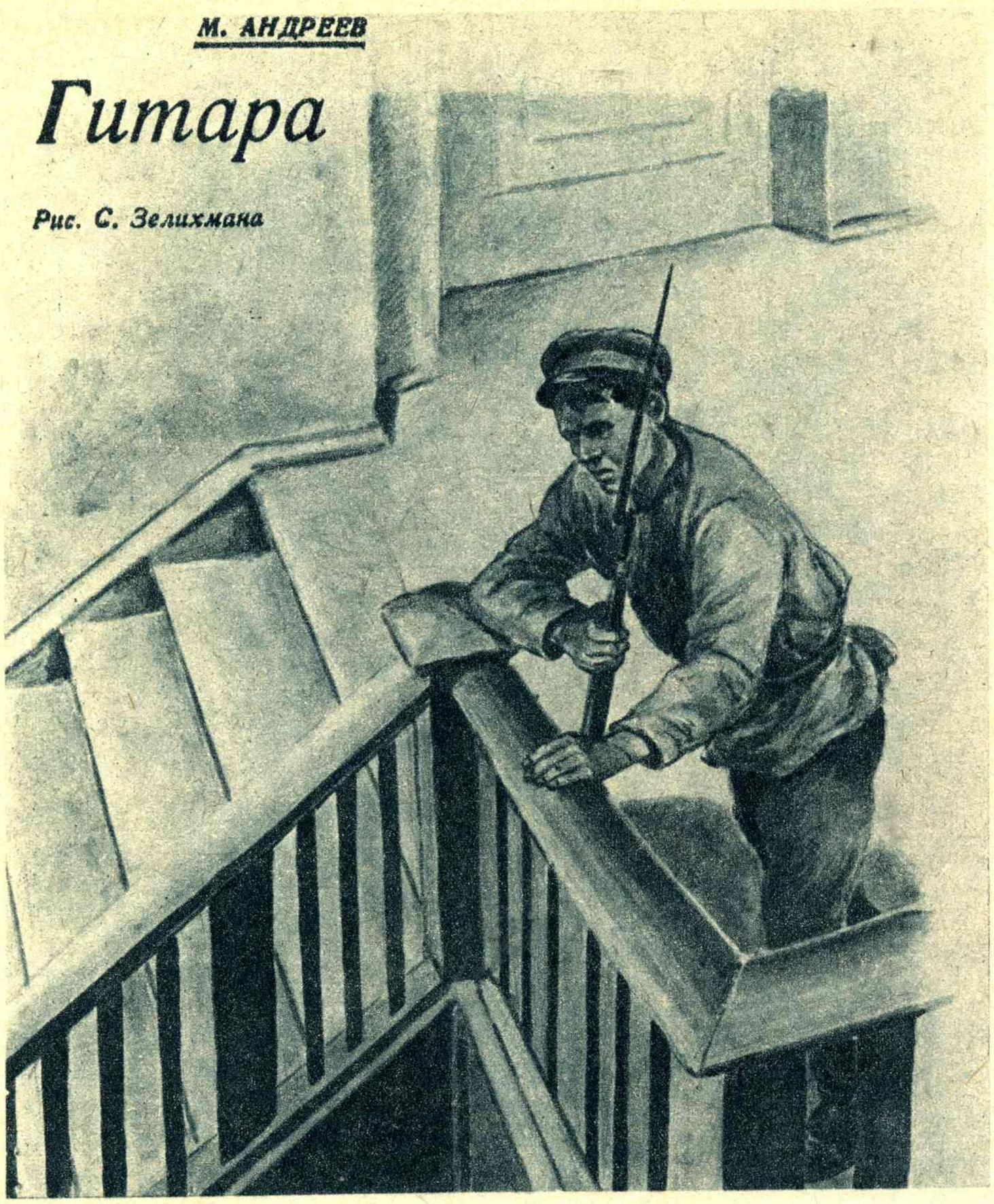
Только вот что
(дивись-не дивись):
обмундировкою не наделим, —
нет у нас
ни сапог, ни шинелей, —
в чем пришел, —
в том и в строй становись.
Помолчал и к Никите шагнул:
„Не посетуй,
прислушайся к моему совету.
Нет тяжелей окопной доли:
ветра,
непогода,
слякоть.
Не лучше ль вернуться тебе, соколик,
чтобы после не плакать“.
Никита сказал:
„Товарищ начальник,
заверяю, как под присягою:
вернусь я домой,
но только вначале
покончим с гадиной всякою“.
Усмехнулся начальник:
„С тобою толкуй.
Твоим упорством я тронут.
Но известно ль тебе, что в нашем полку
ни оружия нет,
ни патронов.
Добывать их придется в неравном бою.
Молодость пожалей свою:
Сгубишь головушку в чистом поле.
На.довод веский сдавайся.
Не лучше ль вернуться тебе, соколик,
домой во-свояси?“
Никита в обиде:
„Товарищ начальник,
к чему такой разговор?
Мне слышать его смешно и печально, —
Спроси другого кого,
Прошу убедительно
без волокиты
Дать мне прямой ответ:
„да“ или „нет“.
Посмотрел начальник совсем не сердито,
суровости нет и следа —

посмотрел и сказал:
„Да“.
Вручает Никите
записку он:
„Зачислить во второй батальон“.
Никита глазами
в бумагу уперся:
Под резолюцией
подпись Щорса.
Я не знаю судьбы дальнейшей героя,
сроднившегося с эпохой грозной.
Может быть он —
инженер Станкостроя,
может —
сраженный
лежит под ракитой.
Слава армии краснозвездной.
Слава,
слава Никитам,
Хлебнувшим горя в буре атак
и победившим
на всех фронтах.
Каждый видит:
стоит, как маяк,
страна, завоеванная в боях.
Она мужает изо дня в день,
зависть ничья
нас не заденет.
Мы —
народ серьезный, —
нас тронуть не моги;
на колос колхозный
не зарьтесь, враги,
не зарьтесь
на нашу
нефть,
на чугун, —
Красная Армия —
на-чеку.

М. АНДРЕЕВ

Гитара

Рис. С. Зелихмана



Последним прыжком Арискин достиг площадки третьего этажа. Дальше бежать некуда.

Оглянулся — коридор.

Тяжело дыша, он прислонился к стене. Ноги дрожали и подкашивались.

С улицы доносились выстрелы и далекий, глухой орудийный гул, от которого вздрагивали стекла пыльных окон коридора.

В ушах звенело от напряжения. Колотилось сердце. Вздрагивала рука. И в такт ударов сердца вздрагивал штык винтовки.

Ноги все сильнее и сильнее сгибались в коленях, и Арискин медленно сползал по стене к полу.

«Уснуть бы тут», — подумал он, вновь оглядывая полутёмный коридор. Глубоким вздохом втянул в себя прохладу воздуха. В нос ударил острый запах вареной капусты, печеного хлеба.

Арискин переложил винтовку в другую руку, помахал затекшей рукой. Вздохнул еще.

«Корку бы сейчас, мягкую», — мысленно попросил Арискин. Нервно пошарил в кармане, оглядываясь все время по сторонам и с наслаждением вдыхая в себя пряный запах хлеба.

«Когда я ел? А!.. вчера вечером с Никитиным суп ели. Холодный. И хлеба-то не было», — вспомнил он встречу с Никитинским отрядом, пришедшим к ним на помощь в артиллерийские казармы.

«Где теперь он? Где Ипполитка? А сколько сейчас времени?».

Путано работали мысли в голове Арискина.

Вспоминал отрывками последние минуты жестокого боя с чехами. Штыковая схватка. В голове туман. Глаза ничего не видят. Кругом треск выстрелов, уханье гранат. Перезвоны в ушах от внезапно наступившей тишины. Радость всего отряда — отбили атаку, отогнали чехов. Опять атака. Вновь треск и взрывы. Опять густая пелена тумана в глазах. И сразу все стихло. Когда это было? Арискин силился вспомнить подробности. Тронул свободной рукой штык и быстро отнял руку. Мокрое и липкое скользнуло по ней. Темная краснота четкими полосками отпечаталась на ладони.

«Так это недавно?» — мелькнуло в голове.

Вздрагивали переплеты окон от орудийных ударов.

Вдруг внизу хлопнула дверь. Арискин резко оторвался от стены и, схватив винтовку в обе руки, перевесился через перила лестницы. За переплетами этажей ничего не было видно. Дверь хлопнула еще раз. Пустота коридора наполнилась торопливым топотом бегущих людей.

«Это чехи!» — Глаза беспокойно забегали по стенам коридора.

Квадраты каменной кладки дома четкими рядами окружали тесную площадку этажа, обрываясь острыми углами в прямоугольниках дверей квартир.

Арискин отскочил от перил. Сильным движением плеча толкнул одну из дверей. Еще раз — заперта. Кинулся к соседней. С силой вырвав замок, он влетел в комнату и, не удержавшись, плашмя упал на пол. Штык винтовки со скрежетом прочертил стену.

Быстро вскочил на ноги, осыпанный штукатурной пылью.

Перед ним стояла белокурая, невысокого роста, женщина с широко раскрытыми от испуга глазами.

— Не бойтесь, — сказал Арискин. И не узнал себя. Хриплый шопот, вместо крепкого басистого голоса.

— За мной... — он не успел договорить. В раскрытую дверь комнаты, толкаясь, вбежали Ипполитка, Баталин и Шапошников. Все они тяжело и часто дышали, растерянно оглядываясь друг на друга. Ипполитка взглянул на Арискина. Хотел что-то сказать, но тут же молча бросил на пол винтовку, подбежал к двери и, быстро захлопнув ее, пригнулся к замочной скважине.

— Тише! — громким шопотом крикнул он, подняв одну руку кверху.

Арискин, не отрывая взгляда от Ипполитки, резким движением рассыпал затвор винтовки и, широко размахнувшись, выбросил его в окно.

Из соседней комнаты выбежала вторая женщина. Непонимающими, испуганными глазами обе женщины смотрели на возившихся с винтовками.

— Идут! — крикнул Ипполитка, отскочив от дверей.

Одна из женщин тихо застонала и бессильно опустилась на стул. Подруга подхватила ее за плечи.

Побросав части винтовок в окошко, ребята сгруппировались беспорядочной кучкой вокруг Арискина. Он, выставив вперед ногу и сжав кулаки, готов был броситься вперед. Его глаза перебегали по стенам комнаты с одного предмета на другой.

В воображении представилась комната Лидочки в Рузаевке. Так же много у нее навешено на стенах открыток, фотографий, засохших букетов цветов, которые он ей дарил при свиданиях.

Внезапно его взгляд остановился на портрете белокурой, с большими глазами, женщины. И сразу вспомни-

лось прощание с Лидочкой, когда уезжали с отрядом. На губах почувствовались соленые капельки Лидочкиных слез. К горлу подступила горечь. Глотнул с силой.

...Рядом с портретом, над кроватью, висит гитара, на грифе красный бант.

Дикая мысль блеснула в голове. Большим прыжком Арискин вскочил на кровать. Сорвал со стены гитару и, круто повернувшись к товарищам, крикнул не своим голосом:

— Пляши!

Все оглянулись на него. Он заиграл. Пальцы рук срывались со струн. Струны путались, разноголосо дребезжали.

— Пляшите, чорт вас возьми! — закричал он, обводя помутневшим взглядом товарищей.

— Да он с ума сошел! — воскликнула белокурая, закрыв лицо руками.

— Пляшите...

Все еще не понимая Арискина, но инстинктивно подчиняясь ему, Ипполитка первым стал выделывать нескладные колена, все время оглядываясь на дверь.

— Колька, пляши! — свирепо закричал Арискин на одного из телеграфистов.

Колька подбежал к белокурой женщине, схватил ее и, преодолевая сопротивление, стал топать по комнате.

— Запевай, Баталин! «Барыню» запевай! — приказывал Арискин.

— Они с ума сошли! — закричала вновь белокурая женщина, закрыв лицо руками.

«А барыня в чепчике
Собирала щепочки...»

запел неуверенно, нескладным голосом Баталин. Гитара то перегоняла, то отставала от припева Баталина.

В это время дверь открылась, и в комнату, гремя прикладами, вошел чешский офицер с солдатами.

Пляска оборвалась. Офицер щелкнул шпорами, взяв под козырек женщинам. Двинулся вперед. Арискин опередил его.

— Пляши живее... Пой, Колька! — сверкнул он на Баталина широко раскрытыми глазами.

«Топила галаночку,
Варила соляночку...»

запел громче Баталин, притоптывая ногой на одном месте и оглядываясь после каждого слова на чехов.

Женщины первые поняли Арискина. Белокурая с визгливым припевом частушки подбежала к офицеру, схватила его за плечи и, увлекая в бурной пляске, потянула на середину комнаты. Теперь Ипполитка, лихо заломив фуражку, не жалел ног.

Строгие лица солдат заулыбались, глядя на начальника и на белокурую женщину, которая, что было у нее сил, кружила офицера по комнате.

С Арискина градом лил пот.

Офицер с трудом освободился от женщины. Поднял руку. Арискин опустил гитару.

Наступила напряженная тишина. Подтянулись солдаты.

— Веселый рюсс, — офицер подошел к Арискину, похлопал его по плечу. — Молодец! Ауф видерзейн! — щелкнул шпорами, поклонился женщинам и вышел.

Солдаты, стукнув прикладами, четко повернулись за ним.

Из широко открытой двери в комнату ворвался холодок коридора и гулкие шаги удаляющихся чехов.

Арискин с Ипполиткой осторожными шагами выбежали в коридор. Спустились на несколько ступеней вниз. Чехов не было слышно.

Издалека доносился захлебывающийся стрекот пулеметов и гулкое баханье орудий.

П. СЛЕСАРЕВ

Выходи-ка в плотный круг, ровесник,
Звонкого таланта не тая,
Пусть звенит и не смолкает песня—
О войне гражданской, о боях.

Мы из Керчи, Омска, из Казани —
Просим побратима: «Погляди!
В двадцать голосов тебе подтянем—
Но замолкнуть песне не дадим!

В два приема расстегнем рубахи,
Посмотри на стороны опять,
Три гармони замерли на взмахе,
Пять гитар готовы подпевать!»

И выходит вятский запевала...
Медленно встает вполоборот.
Песня началась, загрохотала
Залпами тяжелыми — и вот:

Снег кружится вдоль дорог, визирок!..
Ветер — наподобие грозы —
Ленты рвет с балтийских бескозырок
Тульские качает картузы...

Как разбойник лезет под бушлаты,
Под шинель, пробитую в бою.
Топают минеры из Кронштадта
С москвичами рослыми в строю.

Дрожью да махоркою согреты,
Шестидневный съев паек зараз,
Идут на четыре части света
Люди зубоскаля, матерясь...

Между Волгой и зеленым Доном
Слава их гремела, как раскат.
До Варшавы мчались лавой конной,
Песнями встречал их Петроград.

Порохом измазанные лица —
Многие запомнят на века.
Сталин с ними отстоял Царицын,
И они добили Колчака.

Храбростью, штыком да редкой пулей,
Песню взяв бессрочно на постой,
Мир землетрясением тряхнули,
Крепко вставши на одной шестой...

Было этим людям не до страха.
Сохли жены... Тосковала мать...
Три гармони замерли на взмахе,
Пять гитар забыли подпевать.

Ежели, во-первых, над границей
Грозовые пули зазвенят,
Воздух рассекут стальные птицы —
Храбрая, воздушная родня.

С оловянными волнами споря,
С песней просоленной, молодой
Броненосцы ринутся по морю,
Скроются подлодки под водой.

Танки загремят по шатким склонам,
Пыль иль снег подняв под небеса.
Вновь бойцы помчатся лавой конной
Сквозь чугунный грохот и леса.

Во-вторых, любой из нас спокоен.
Ворошилов жив, тверда рука.
Сталин переведет ближе к бою —
С боевыми членами ЦК.

Сталин поглядит и скажет слово.
Ворошилов согласится с ним.
Потому спокойно и сурово —
В-третьих и последних говорим:

Не актерского бахвальства ради
Мы слова вождя твердим всегда:
— Никому
Родной земли ни пяди
Не дадим нигде
И никогда.

Семен ПОЛОЦКИЙ

Купанье

Рис. Ардо

Вскоре после того, как отряд, выбив белых, занял деревню, боец Егор Рябинин отпросился у взводного на озеро искупаться. Он в самом деле был очень грязен. Месячный переход без отдыха по облачным от пыли дорогам и болотным тропам, когда липкая рубаха постепенно приобретает твердость коры, заставил его под конец исступленно мечтать о воде. Несколько раз во время привалов его, как более боевого, находчивого, хотя и отчаянного подчас до безрассудства, фабричного парня, отправляли в разведку. И пока товарищи мылись и стирали белье в каком-нибудь пруду или речке, он опять полз в пыли, испытывая желание почесать штыком зудящее тело и вспоминая, как в лихорадке, все реки и ручьи, виденные им на своем веку, и всякую воду, в какую когда-нибудь ступала его нога.

Большое лесное озеро лежало в получасе ходьбы от деревни, и, приближаясь к нему, Егор невольно замедлил шаги, как бы бессознательно оттягивая первый миг наслаждения. Деревья вдруг поредели, и он остановился у пологого склона, поросшего лютиками и какими-то необыкновенно красивыми темносиними цветами, снабженными шпорами, на прямых, как стрела, стеблях. Внизу в лощине сияло озеро. Сам не ожидая того, Егор по-детски взвизгнул и тут же, споткнувшись о толстый корень, кубарем покатился вниз по мягкой траве. Он мигом разделся и бросился в прохладную воду. Забыв обо всем на свете, он плавал, как утка, фыркал, нырял, разбрызгивал воду горстями и подолгу лежал на спине, с интересом следя за тем, как его тело из грязно-серого превращается в розовато-коричневое.

Потом, утомившись, он вылез на берег и сразу заснул под кустом. Во сне он увидел, будто вернулся домой на побывку и колотит в дверь, которую не отворяют. То он барабанил во-всю, и тогда звуки сыпались горохом, то с промежутками наносил один короткий удар за другим. Звуки были какие-то хлопающие, отрывистые и точно отдаленные, хотя он стучал изо всех сил.

Внезапно стук прекратился, и он напрасно бил кулаком, совсем ничего не слыша. Тут, навалившись на дверь, он распахнул ее и увидел кудрявые верхушки берез и легкое облачко, плывущее по чистому небу. Это потому, что он открыл глаза. Желтые лютики свешивались над ним. Стояла, как и во сне, полная тишина, не нарушаемая ни одним звуком.

Егор засмеялся, ободряя себя, и сразу вспомнил, где он находится и для чего пришел. Он занялся стиркой, затем, разложив одежду на солнце, кинулся в воду, решив переплыть на тот берег.

Обернувшись с полпути, он заметил кучку людей, спускавшихся вниз по склону. Некоторые из них, дурачась, гонялись по берегу друг за дружкой, а очутившись в озере, подняли там возню.

Обрадованный Егор повернул к ним навстречу и быстро смешался с купальщиками. Но сколько ни искал он товарищей — не находил ни одного знакомого лица. Пловцы барахтались рядом, иной раз задевая его рукой, но, как видно, из его роты тут не было никого.

Внезапно неподалеку от него вынырнула голова с большими рыжеватыми, теперь печально обвисшими усами. Заметив впереди себя Егора, пловец неожиданно крикнул ему:

— Эй, поручик!

И не успел Егор опомниться от удивления, как краснотелый человек уже плыл рядом с ним, всматриваясь в его лицо.

— Виноват, — говорил он, загребая в то же время руками, — обознался, прошу прощения. Первый день в полку, никого здесь не знаю. Вчера получил назначение, ночью явился, представился командиру, на утро бой. Не до знакомства. Одного только поручика знаю. А я человек общительный. Вон, думаю, мой поручик плывет. Да нет, ошибся.

Спутник и впрямь попался общительный. Между тем, они уже подплывали к противоположному берегу, но для Егора время как будто остановилось. Краснотелый же, плюясь и отфыркиваясь, говорил без умолку.

— А лихо, батенька, провели операцию, — сыпал он. — Великое, значит, дело — расплох. Ведь они, красные-то, деревню заняв, себя, небось, уже победителями считали. А тут-то мы на них врасплох и ударили.

Только теперь Егор догадался, что означали хлопающие звуки, слышанные им во сне. Тем временем они выбрались на бережок и уселись на жарком песке. Какая-то пичуга, забившись в чаще, взволнованно повторяла оттуда свое «чивик».

— Хорошо, — потянулся краснотелый, — теперь бы удочку. — И вдруг, сощурившись, повернулся к Егору. — Так, стало быть, не поручик, — словно спохватившись, с сожалением произнес он, — надеюсь, однако же, что офицер.

— Так точно, — как-то одними губами ответил Егор, — офицер.

— А еще бы, батенька, офицерское купанье. Привилегированное общество, можно сказать. Позвольте, кстати, отрекомендоваться. Штабс-капитан Соколов. Погон нет. Примет никаких. Знаки отличия под кустиком остались. Все голенькие! Ха-ха! Не разберешь — кто полковник, кто прапорщик. Несть, как сказано, ни овец, ни козлищ. Виноват, не расслышал фамилии?

— Подпоручик Рябинин, — с поспешностью отозвался Егор, смотря прямо в глаза и пытаясь в свой черед улыбаться.

— Рад, рад! — Краснотелый задумался. — Так о чем, бишь, я? Да! Все говорю, как в раю. Хоть и большевика рядом с собой посади — не узнаешь. — Он снова расхохотался. — К примеру, может, я только штабс-капитаном прикидываюсь, а на самом деле, просто красная сволочь, поди, догадайся, — радовался он собственной шутке.

— А еще бы, — подхватил Егор, поддаваясь внезапному искушению игры с огнем, и знакомое чувство непреодолимого стремления к опасности охватило его, — бывает, чего и не ждешь. Думаешь, скажем, что человек одно, а он вовсе другое. Ну, как и я тоже самое, только притворяюсь, что подпоручик, а на том берегу у меня, может, фуражка с красной звездой осталась?

— Может быть, может быть, — оживленно подтвердил штабс-капитан, и оба они захохотали. Синее небо висело над ними. Издали до них доносились крики и смех купальщиков.

— Даже наверно фуражечка там осталась, — подмигнул штабс-капитан, довольный, что шутка его удалась. — Лежит себе, голубушка, этакой уликой под кустиком, а хозяин голый сидит и никаких подозрений не вызывает. Ловко придумано, ваше благородие. Так вы, батенька, сознавайтесь! Что тут тянуть? По своей воле к красным пошли или насильно?

— А как же, — насмешливо отвечал Егор, испытывая легкое головокружение и думая о том, что каждую минуту могут обнаружить его одежду и тогда останется только проверить всех выходящих из воды, чтобы его поймать, — а как же, по своей воле пошел.

— Позвольте, батенька, — радостно перебил его краснотелый, — вот и заврались. Да будь бы, действительно, красный, как бы вы тут

Краснотелый, плюясь и отфыркиваясь, говорил без умолку.

очутились, да еще голый в воде, пока бой шел. Ведь не за тридевять земель отсюда деревня. Выстрелы-то, стало быть, слышны были бы. Так он, настоящий-то красный, отсюда бы, сломя голову, бежал, да схоронился подальше. А вы вон где нас дожидаетесь! Неуклюже уж очень сочиняете, ваше благородие. Врать не обучены.

— А может быть, я, — смеясь странным смехом, объяснил Егор, — купаться пошел, да и заснул. Выстрелы, которые слышал, может, я за сон посчитал. Чем же невозможное дело?—говорил он, ощущая удовольствие от своих двусмысленных слов и боясь в то же время, как бы враг ему не поверил. — Да ведь и вы, — сейчас же добавил он, переводя все в шутку и чувствуя, что слишком далеко зашел, — да ведь и вы же сами сказали, что, может быть, никакой не штабс-капитан. Как же вы-то в этаком разе сюда попали?

— А я, — в тон ему начал было подыскивать объяснение краснотелый и вдруг нахмурился. Тень подозрения промелькнула по его лицу. — Однако же, у вас, подпоручик, — недовольно произнес он, — и в самом деле, что-то очень уж гладко получаться стало. Шутки-то шутками, а ведь я, — он покосился на Егора, — и впрямь подумать могу.

Видно было, что он весь подобрался. Какая-то внутренняя работа происходила в нем.

— Так ведь и я подумать могу, — торопливо воскликнул Егор, будто бы только что его осенило. — Почем мне знать, сами решите. Вижу вас в первый раз. Рассказываете какую-то сказку. Только что прибыл, мол, никому неизвестен. А, может, мне вместо разговоров — сейчас на помощь позвать. Дело недолгое.

— Однако, нашли же вы объяснение, сон и все прочее, — колебался сбитый с толку штабс-капитан. — Правдоподобно уж очень выходит. Как не поверить?

— Так поплывем назад, что ли? — предложил, усмехаясь, Егор, прикидывая расстояние между собой и своим собеседником, — там разберутся. Смеху-то будет. Только наперед уговор, чтобы после не жаловаться.

Опять помолчали они. Видимо, краснотелый все еще сомневался. Капельки пота, как непросохшие капли воды, выступили на коже Егора.

— Ф-фу, вздор какой, — вдруг пришел в себя краснотелый,—взбредет же такое на ум. От жары, что ли? Так друг друга запутали, что еще минута, и вправду поверил бы. Прошу прощения, подпоручик. Сам не знаю, как померещилось. Вообразите, что кобуру на голом животе нащупывать стал. Потому что, поверь я действительно, стало бы одним подпоручиком меньше на свете. Не отпустил бы я вас, это верно. И посади меня с красным хоть на необитаемый остров, в чем мать родила, вот, как мы теперь

— Господа, внимание! В озере — красный!

с вами, — сказал он, пристально глядя ставшими вдруг сумасшедшими глазами на Егора, так что тот отодвинулся, — голыми руками схвачусь, из камня топор сделаю, с топором за ним побегу. Рисуете это себе, подпоручик? Да вы не пугайтесь, — закончил он вдруг, словно опомнившись. — Ведь глупость, мечта!

— У всякого своя мечта, — неопределенно сказал подпоручик, глухим почему-то голосом и вдруг, разбежавшись, прыгнул обратно в воду.

Краснотелый двинулся было вслед, но, убедившись, что сомнительный спутник его плывет прямо к берегу, где стояли одевающиеся после купания офицеры, прилег опять на песок.

Пловцы, между тем, один за другим, отряхиваясь, ступали на берег. Некоторые, успевшие уже одеться, стояли теперь совсем непохожие в своей форме на только что плескавшихся в озере голых людей. Защищенный своей наготой, Егор, холодея, прошел мимо них к месту, где осталась его одежда. По счастью, она лежала нетронутой в стороне. Не веря своим глазам, Егор увидел сложенный почти рядом с нею на камне офицерский английский френч, обладатель которого чудом не заметил улики.

Стараясь соблюдать хладнокровие под взглядами одевающихся невдалеке офицеров, Егор стал натягивать тонкое белье, ожидая, что сейчас появится хозяин френча и потребует у него объяснений.

Уже почти все купальщики находились на берегу, как Егор увидел, что штабс-капитан пустился в обратный путь. Боясь продолжения знакомства, одетый Егор неторопливым шагом двинулся к лесу, чувствуя на своих плечах тяжесть офицерских погон. Тут произошло то, чего он давно опасался, звонкий мальчишеский голос явственно произнес:

— Господа, внимание! В озере — красный!

И Егор разглядел сквозь кусты голого юношу с нательным крестом на груди, поднимающего из кучи его одежды фуражку, украшенную красноармейской звездой.

Егор нырнул в густую чащу и замер там, не подавая признаков жизни. Полуодетые офицеры разом столпились вокруг юнца. Посовещавшись между собой недолго, они разошлись во все стороны и засели в кустах.

Не чуя беды, краснотелый штабс-капитан тем временем уже выходил на берег. Слегка удивленный безлюдьем, он направился прямо к своей одежде и, не найдя ее на камне, наклонился над амуницией Егора. И в это время все с криком бросились на него из засады. Огромное недоумение разлилось по лицу злополучного штабс-капитана.

— Господа, — силясь перекричать нападающих, среди которых выделялся восторженный голос юнца «бей красного». — Господа! — вопил краснотелый. — Здесь ошибка! Я штабс-капитан Соколов!

Должно быть, его больно ударили, потому что он вдруг завизжал:

— Вы ответите! Ой! Я буду жаловаться... командующему!.. Я дворянин, а не красный! Все подтвердят! Поручик... забыл фамилию. Подпоручик Рябинин!... Да где же он? Господа, я понял! Держите его! Подпоручик Рябинин... красный!

Немного погодя три красноармейца, посланные в разведку, были поражены внезапным появлением белого офицера с погонами штабс-капитана, который безбоязненно шел им навстречу в разорванном о ветви деревьев и забрызганном грязью френче, свидетельствующем о трудном пути по болотам и чащам, но со счастливой улыбкой на лице и поднятыми кверху руками. Офицер пел любимую песню красноармейского отряда.

Вскоре его доставили в штаб, а к вечеру рядовой боец Егор Рябинин вместе со всем отрядом врывался в деревню, выбивая из нее бегущего в панике врага, и единственное, что еще тревожило его, было то, что, пробираясь к своим, он весь перепачкался и теперь был почти так же грязен, как и перед купаньем.

Н. НАТАЛИН

Чемпион СССР

Умение перепрыгнуть через широкое препятствие — бугор, насыпь, ручей или канаву — требуется и в быту и в военном деле. Процесс выработки этого умения издавна вызвал к жизни и специальный вид спорта — прыжки в длину с разбега. В преданиях глубокой старины, в народных сказаниях о богатырях древней Руси не раз встречаются описания подобных соревнований.

Одна из былин рассказывает, что «на горе Сорочинской» стоит высокий камень: «в долину три аршина с четвертью, а через его только топором подать». На камне надпись:

«А и кто-де у камня станет тешиться,
А и тешиться, забавлятися,
Вдоль скакать по каменю,
Сломить будет буйну голову».

Пришел однажды на эту гору со своей дружиной новгородский богатырь Василий Буслаевич. Прочел он надпись на камне и не поверил ей. «Стал со дружиною тешиться и
забавлятися,
Поперек каменю поскакивати;
Захотелось Василью вдоль скакать,
Разбежался, скочил вдоль по каменю,
И не доскочил только четверти,
И тут убился под каменем...»

В другой былине богатырь Чурило Плекович так говорит богатырю Дюку Степановичу:

«Ты ударь-ко со мною о велик заклад.
А который из нас перескочит через Пучай-реку,
А который из нас да не перескочит, —
Тому из нас да голова рубить».

Дюк Степанович отвечает:

«А твоя ли похвальба наперед зашла!
Ты скачи-ко прежде чрез Пучай-реку».

И вот хвастун оказался посрамленным «...Скакал Чурило чрез Пучай-реку:
О полу реки Чурило в воду вверзился...»

Когда пришла очередь Дюка Степановича, он не только перескочил через реку, но и вытащил налету Чурилу из воды и великодушно даровал ему жизнь.

Как бы ни прогрессировала техника, как бы ни прогрессировали средства производства и транспорт, они не умаляют, а увеличивают значение моральных и физических качеств человека. Спорт помогает совершенствовать эти качества, и трудно предвидеть предел человеческих возможностей в той или иной области. Самые фантастические подвиги былинных богатырей в наши дни, в условиях социалистического общества, становятся обычным делом для широчайших народных масс.

В Волоколамском районе Московской области есть старая деревня Стеблево, ныне колхоз имени Ворошилова. На высоком ее конце раскинулась бывшая помещичья усадьба, а в низине, у реки, с давних пор теснится значительная часть крестьянских дворов. Весной, когда разбухает река, половина строений оказывается в воде, и, борясь с ней, поколения живущих здесь тружеников избороздили всю низину глубокими канавами. Канавы окружают и дом старика Георгия Гурьянова, у которого в 1913 году родился восьмой ребенок — Николай, будущий чемпион Москвы, а затем и всего Советского Союза.

Чемпион СССР по прыжкам Николай Гурьянов.

Первый прыжок Колю заставила сделать сама жизнь. Когда худенький, долговязый семилетний мальчик поступил в школу, ему пришлось ежедневно ходить на высокий конец деревни и по дороге огибать широкую канаву. Канава немного удлиняла путь до школы, и Коля решил проложить свой собственный маршрут. Однажды он разбежался, толкнулся левой ногой и...«о полу канавы в грязь вверзился». Почин был, как говорится, не из блестящих. Но неудача не обескуражила мальчика. На следующий день он повторил прыжок и, к своему величайшему удовольствию, удержался на другом конце канавы. А дальше пошло! Прыжки стали любимым развлечением Николая. Разбежавшись с десяти-пятнадцати метров, он перелетал через любую канаву деревни, и в этом ему помогала, правда, несознательная, но все же серьезная тренировка.

Дело в том, что четыре зимы у Коли был всего один конек. Закрепив его веревочками и щепками на валенке правой ноги, он носился с другими ребятами по льду, и так как при подобном «смертельном креплении» левая нога служит непрерывным толкачом, она и развилась у Коли необычайно сильно. В этом и выразилась первая, несознательная тренировка. К сознательной тренировке Николай пришел несколько позже, когда в 1926 году вернулся из Красной Армии его старший брат Петр. Петр познал на службе в РККА все благодатное влияние физической культуры и решил приобщить к этой культуре и молодежь родной деревни. Он организовал легкоатлетическую и футбольную команды, бегал с ребятами кроссы по красивым липовым аллеям бывшей усадьбы, обучал ребят подготовительным упражнениям, а вскоре устроил в парке легкоатлетическую площадку и футбольное поле.

Сначала молодежь увлеклась футболом. Мальчишки босиком гоняли туго надутый мяч с утра до вечера. Но как-то на занятия легкоатлетической команды пришел секретарь местной комсомольской организации. Он посмотрел на прыгающих ребят, отмерил от врытой в землю доски шесть шагов, провел поперек взрыхленной земли черту и «побился о велик заклад»: кто перепрыгнет через черту, получает премию в три рубля.

Интерес к легкой атлетике резко повысился. Собрались все физкультурники деревни. Прыгали по двадцать раз. Семнадцатилетний Ваня Антонов почти касался заветной черты, но она оставалась словно заколдованной. В конце концов порешили, что перепрыгнуть через черту невозможно.

Коли в тот день на площадке не было. Он узнал о «великом закладе» только на следующий день. Черта все еще виднелась на земле, и ребята смотрели на нее с нескрываемым уважением. Коля решил тоже попытать счастье. Он разбежался, оттолкнулся от доски и... пролетел на целую ступню дальше. Мальчишки так и ахнули. Николай и сам смутился. Он прыгнул еще и еще, но каждый раз черта оставалась позади. Триумф был полный.

В 1930 году чемпион деревни Стеблево уехал в Москву. Здесь он вступил в комсомол, работал арматурщиком, строительным рабочим, учился на рабфаке, соревновался с новыми друзьями, однако всегда был вне конкуренции. Первого достойного соперника он встретил только в 1934 году, когда стал студентом Геодезического института. Здесь ему пришлось немало попотеть, пока он завоевал первенство. Одной силы уже было недостаточно для дальнейшего роста. Необходимо было освоить технику разбега, толчка, полета, приземления — и в этом Николаю помогла Красная Армия.

Весной 1935 года Гурьянов приступил к сдаче норм на значок ГТО. Он пробежал 100 метров за 12 секунд, прыгнул в длину с разбега на 5,2 метра и с этими результатами попал в команду института, тренирующуюся к Всесоюзной студенческой спартакиаде. Тренировал команду рекордсмен РККА, заслуженный мастер спорта Александр Демин. Он сразу обратил внимание на способного прыгуна, показал ему технику прыжков и заставил прежде всего вырабатывать скорость в беге. Николай увеличил разбег до 40 метров и на отборочных соревнованиях прыгнул на 6,48 метра. Но в период освоения техники за первым подъемом часто следует временное ухудшение результатов, после которого они опять начинают быстро и непрерывно расти. Так было и с Гурьяновым. Увеличив и ускорив разбег, он не всегда стал попадать ногой на планку. На спартакиаде Наркомтяжпрома прыгнул «всего» на 5,99 метра и на Всесоюзную спартакиаду не был допущен.

Огорчение было очень сильным. Николай почти отчаялся в своих способностях, но тут ему помог дружный коллектив легкоатлетов Центрального дома Красной Армии, в который Гурьянов вступил после знакомства с Деминым. «Цедековцы» подбодрили парня, помогли ему преодолеть «мертвую точку», приобщили к спортивной культуре, и Коля вскоре впервые принял участие в установлении нового всесоюзного рекорда. Это был рекорд в эстафете 4 по 400 метров, установленный командой ЦДКА во время соревнований на первенство Москвы 1935 года. В составе команды бежали Горюшин, Гурьянов, Домов и Демин.

Осенью Николай Гурьянов держал экзамен и был зачислен слушателем в Военно-инженерную академию РККА. Началась напряженная, интереснейшая учеба. Чтобы не отстать от товарищей, пришлось много заниматься дома, но Николай четко планировал свое время и не прекратил спортивной тренировки. Раз в пятидневку он аккуратно посещал гимнастический зал ЦДКА и здесь, под руководством тренера Владимира Дьячкова, продолжал развивать и закалять свой организм.

Говорят, что легкоатлет добивается своих побед на солнечных стадионах зимней подготовительной работой. Это совершенно справедливо. Сила, гибкость, резкость, выносливость — элементы спортивной техники — все это вырабатывается, отрабатывается и совершенствуется в период зимней тренировки. Гурьянов очень хорошо в этом убедился. С весны 1936 года его результаты резко пошли вверх. 6,65—6,67 —6,71 — вот показатели его прыжков в длину в 1936 году. Единственной неудачей было его выступление в соревнованиях на первенство СССР. Когда Николай впервые вышел на зеленое поле грандиозного железобетонного стадиона «Динамо», он так разволновался, что все три раза переступил через планку, и ни один из его замечательных прыжков не был ему засчитан.

Вновь наступила зима напряженной учебы в академии. Вновь Гурьянов аккуратно посещал занятия в спортивном зале ЦДКА, и вновь весной, 1937 года, как и весной 1936 года, поехал на тренировочный сбор в Крым в дом отдыха Московского военного округа. Командование всячески шло навстречу молодому спортсмену, и результаты заботливого внимания не замедлили сказаться. 1937 год был триумфальным годом для Николая Гурьянова.

Во время соревнований на первенство Москвы Гурьянов прыгает на 6,97 метра и получает звание чемпиона красной столицы.

Во время соревнований на первенство СССР он прыгает на 7,04 метра и получает звание чемпиона своей родины.

Наконец, во время соревнований, посвященных закрытию летнего сезона 1937 года, Гурьянов совершает прекрасный прыжок на 7,08 метра. Сделайте десять своих обычных шагов, оглянитесь на пройденное расстояние, и вы представите себе это достижение!

Еще нередко слышатся разговоры о том, что для достижения рекордных результатов нужно обладать какими-то особенными физическими данными, нужно ничем, кроме спорта, не заниматься. В ошибочности этих теорий очень легко убедиться на примере Николая Гурьянова. Его рост 175 сантиметров, вес — 75 кило. Его лучшие результаты в беге на 100 и 400 метров, соответственно, 11,6 секунды и 52,7 секунды. Но добился Гурьянов своих спортивных побед не в ущерб своему культурно-политическому росту, а именно благодаря ему. Худенький крестьянский мальчик, босиком игравший в футбол, стал примерным комсомольцем, слушателем военной академии, чемпионом СССР. Учится Гурьянов на «хорошо», ведет кружок текущей политики, и ни женитьба, ни семилетний сынишка — ничто не мешает его дальнейшему всестороннему росту.

Не забывает чемпион и своих родных — колхозников колхоза имени Ворошилова. Каждый свой отпуск он проводит в деревне, прыгает для тренировки через картофельные грядки, помогает работе колхоза. В последний свой приезд он пошел после обеда покосить и за четыре часа заработал трудодень.

Так растут сотни и тысячи новых, советских богатырей.

Николай Гурьянов прыгает в длину с разбега от планки, на которую слева смотрит сидящий судья, до темного флажка, стоящего справа.

ШАХМАТЫ

под редакцией мастера М. Барулина

Результаты XX конкурса решений задач

(„Красноармеец краснофлотец" № 11—12 за 1937 г.)

Наш XX конкурс решений состоял из трех классических трехходовых миниатюр. Задачи очень понравились нашим читателям. Приводим их решения:

Задача № 1 *И. Меллера*. Положение: Бел. Крес1, Ла8, пешка а7 (3); Черн. Крa1, Ch7, пешка с2, g6 (4). Мат в 3 хода.

Решение: 1. Ла8—g8!

Тема «самоуничтожения»: 1... С: g8 2. а8Ф +, Са2 3. Фh8×. Если 1... Крa2, тогда 2. Лb8 и мат на следующем ходе.

Задача № 2. *О. Вюрцбурга*. Положение: Бел. Крс5, Фе2, Cd7 (3); Черн. Крb7, пешки а6, а7, е5 (4). Мат в 3 хода.

Эту задачу решили очень немногие товарищи. Большинство решало ее путем 1. Крс5—d6, не замечая, что после 1... Крb6 мата в 2 хода дать нельзя.

Решение: 1. Cd7—h3!

Тема освобождения линии, так называемая «Вюрцбург-Плахутта». После первого хода возникает любопытная угроза 2. Фg4! с последующим матом ферзем на с8. Если 1... а6—а5, тогда 2. Фа6 + ! Кр:а6. 3. Сс8 × !

Задача № 3. *О. Блюменталя*. Положение: Бел. Крf3, Лg7, пешка, h7 (3); черн. Крh1, Лf6, пешка 14, h2 (4). Мат в 4 хода.

Решение: 1. Лg7—a7!

1... Лg6 2. Ла1 + Лg1 3. h8Ф и мат следующим ходом.

Всего нами получено 96 решений. Однако, правильно решили все три задачи только пять товарищей, а именно: А. Гаманин *(Лисичанск)*, Н. Ластовский *(Новочеркасск)*, Н. Цвингунов *(Москва)*, И. Тарасенко *(Грозный)*, М. Дегтерев *(Орджоникидзе)*.

Премируется шахматной литературой младший командир тов. Тарасенко И. Я., приславший наиболее полное решение задач.

Результаты XXI конкурса решений задач

(„Красноармеец краснофлотец" № 15 за 1937 г.)

На XXI конкурс решений мы предложили нашим читателям три этюда старых мастеров. Решения их нетрудны, но эффектны и красивы.

Этюд № 1. Положение: Бел. Крd8, Ла8, с5 (3); Черн. Крd6, Лh1 (2). Белые выигрывают.

Решение: 1. Лс5—h5! и после 1... Лh1:h5 2. Ла6+ с легким выигрышем.

Этюд № 2. Положение: Бел. Крb7, пешки а7, g3, h4 (4), Черн. Крd7, Лс8, пешка h5 (3). Черные, начиная, выигрывают.

Решение: 1... Лс8—a8! Кр : a8 2. Крс7! (нельзя играть 2. Крс8, так как тогда белая пешка превращается в ферзя с шахом и выигрыша у черных нет) g4 3. h : g и выигрывают.

Этюд № 3. Положение: Бел. Крh1, Лb1, Са5, пешка h2 (4); Черн. Крс6, Ла3, пешки b2, h3 (4). Белые делают ничью.

Решение: 1. Са5—b6!

Если теперь черные возьмут слона, то после 2. Л : b2 + ничья очевидна. Если же черные сыграют 1... Ла1, тогда 2.Cg1! и после 2... Л : b1 у белых пат.

В конкурсе решений этих этюдов приняло участие 190 читателей.

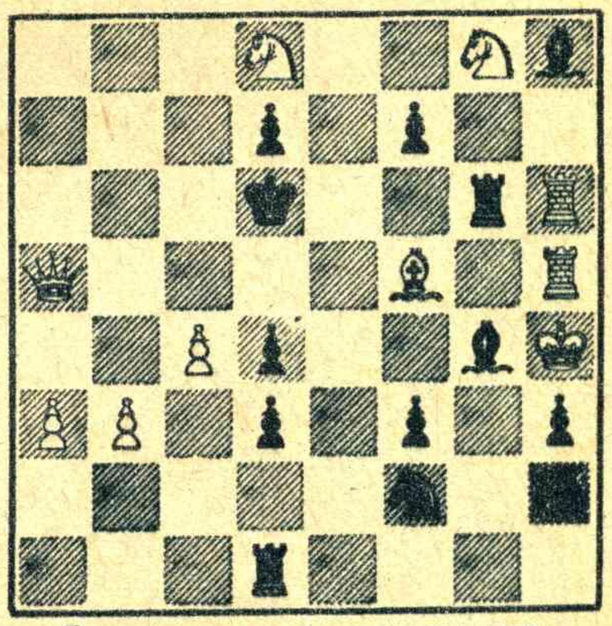
Правильно решили все три этюда следующие товарищи: Б. Шарапов *(Тбилиси)*, Л. Тестоедов *(Свердловск)*, Г. Корноухов *(Н.-Волынск)*, И. Лямин *(Москва)*, В. Махровский *(Кострома)*, Н. Розанов *(Ташкент)*, Н. Ковалев *(Реутово)*, Клавдия Маркелова *(Таджикистан)*, Г. Цейтлин *(Омск)*, А. Фишер *(ст. Овчинниково)*, М. Мыльников *(Вольск)*, В. Михалюк *(Ворошиловск)*, К. Эльковский *(ст. Мартышкино)*, А. Попандопуло *(Ленинград)*, Г. Бурдей *(Саратов)*, А. Лукьянчук *(Николаев)*, В. Жигарев *(Владимир)*, И. Гаврилов *(Москва)*, Ф. Касьяна *(Вел.-Тополь)*, Н. Шербань *(Конотоп)*, Н. Пирогов *(Москва)*.

Премируется шахматной литературой (по жребию) младший командир тов. Шарапов Б.

ДВА ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ФИНАЛА

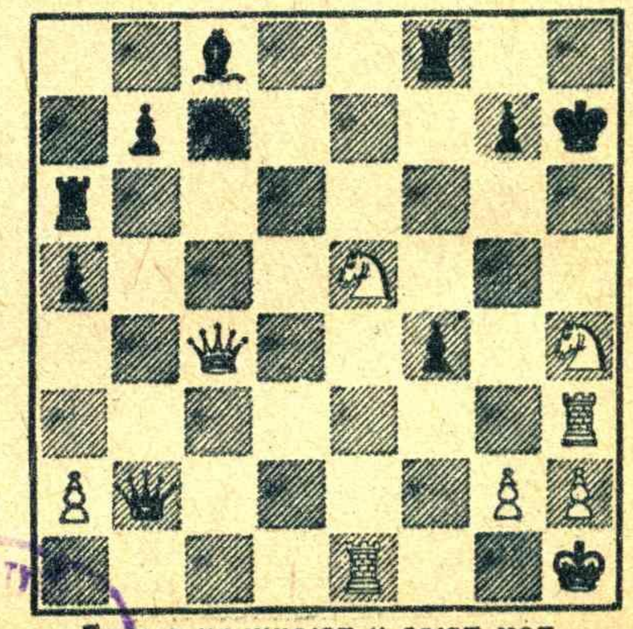
КТО РЕШИТ?

№ 1



Белые начинают и дают мат в 3 хода.

№ 2

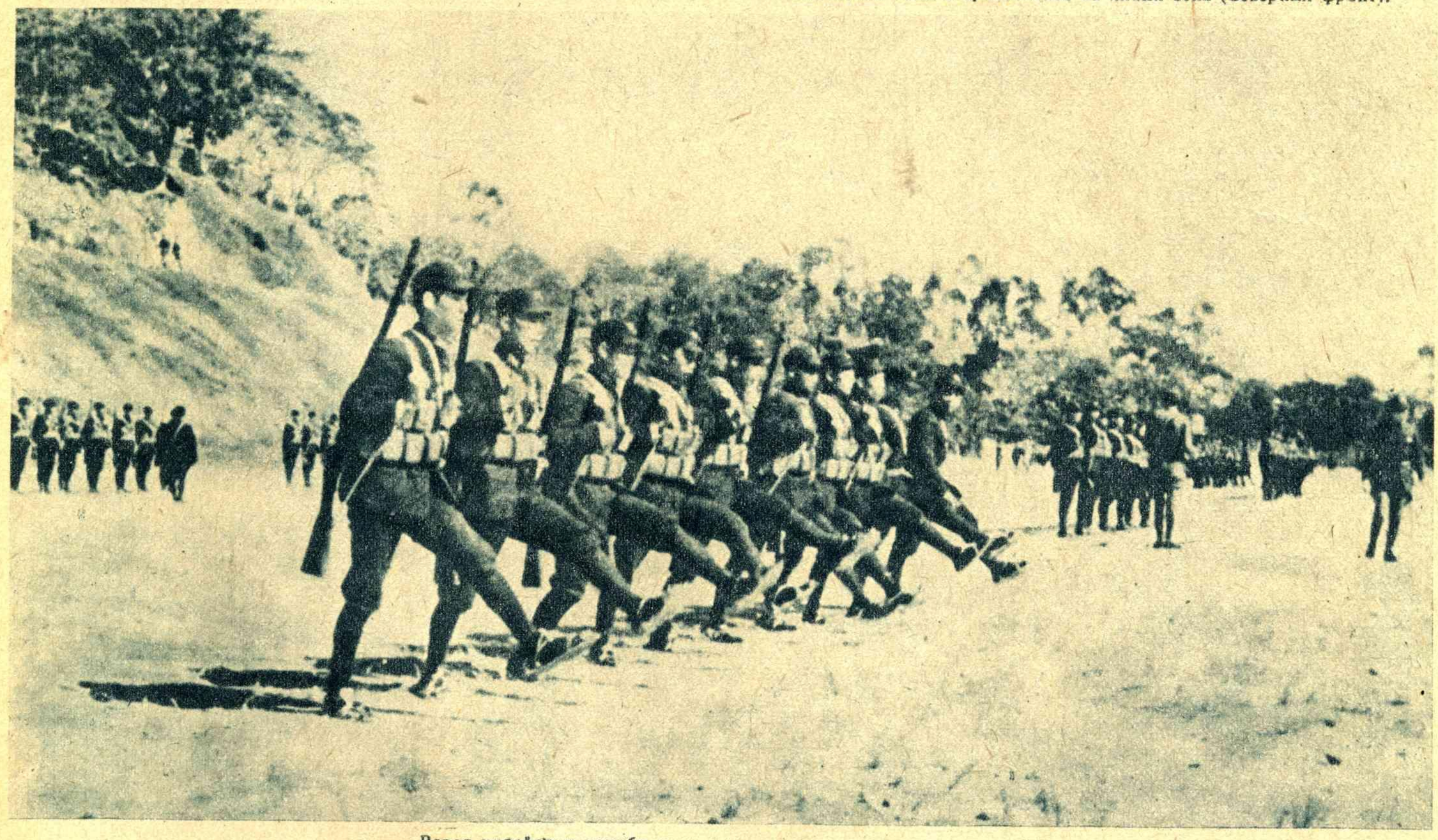


Белые начинают и дают мат в 3 хода.

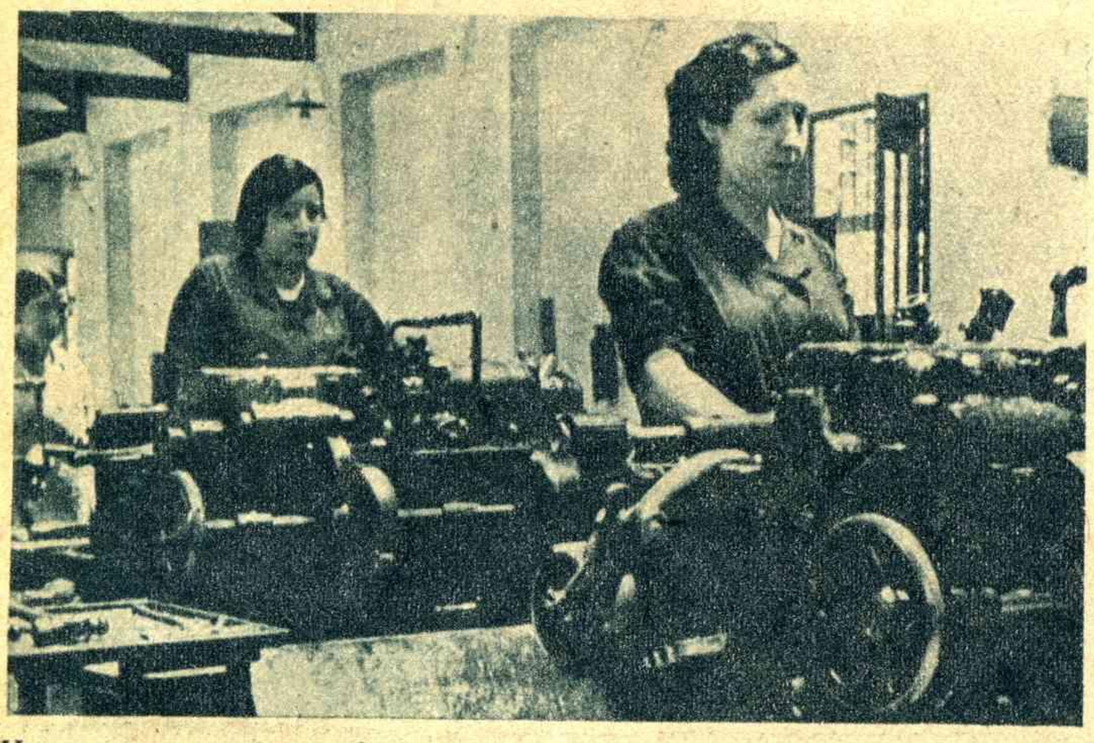
Полковник-орденоносец тов. А. Б. Бонифатьев (справа) и майор тов. С. Т. Рудаков за игрой в шахматы.

Китайский боец ведет пойманного им японского шпиона.

Китайский боец в противогазе на линии огня (Северный фронт).



Взвод китайских новобранцев, проходящих строевую подготовку.



Испанские женщины, работающие на одном из военных заводов республиканской Испании.

Долорес Ибаррури произносит речь перед бойцами на Мадридском фронте.

Редакционная коллегия | Зав. редакцией Б. БОНДАРЕНКО | Оформление Б. МАЛИШЕВСКОГО

Издатель Воениздат | Адрес редакции: Москва, ул. Маркса и Энгельса, 17. | Тел. К 4-71-16

Уполн. Главлита № Г-9244. 4 п. л. 320 000 знаков. Изд. № 181. Сдан в производство 15.3.38. Подписан к печати 2.4.38. Тираж 75 200 экз. Заказ № 1262.

1-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Валовая, 28.